



ISSN0131 — 5994

# РОВЕСНИК

5 1982

# РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ  
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ  
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Май, 1982 год, № 5

## В НОМЕРЕ:

ДРУЗЬЯ КОМСОМОЛА ВО  
ВСЕМ МИРЕ РАССКАЗЫВАЮТ,  
КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИХ  
ЖИЗНИ, БОРЬБЕ И ТРУДЕ  
ИМЕЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ  
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ  
МОЛОДЕЖИ

На первой странице обложки: Минск,  
июль — август 1981 года. Митинг дружбы, посвящен-  
ный борьбе за мир, в советско-французском между-  
народном молодежном лагере.

Фото В. УГЛИКА

2. В. Аксенов. В ИНТЕРЕСАХ ВСЕХ И КАЖДОГО
6. МАЙСКИЙ ПРАЗДНИК ПИОНЕРИИ
8. Бруно Солигу. «ТОГДА Я ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ»
12. Мунин Бисиус. «О КОМ Я НАПИШУ»
14. Данило Падийа Конверрас. ПТИЦЫ
18. Метарере Катжиутва. ИСПЫТАНИЕ ВОЛИ
20. Жузе Серра. ВЕСТНИКИ
24. Карлос Делиньо, Антонио Парагуа. СРАВНИ-  
ВАЕМ, ДУМАЕМ, БОРЕМСЯ
27. В. Владимирский, Ули Зольд. КРАСНАЯ ПЕСНЯ
30. Ян Крута. КАРЕЛ ГОТТ: «ВСЕ В ПОРЯДКЕ»

Главный редактор А. А. Нодия

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ,  
В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГО-  
РЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫ-  
ШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯ-  
ГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора).

Художественный редактор Е. А. Гричук  
Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитров-  
ская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращают-  
ся. Перепечатка материалов разрешается только со ссыл-  
кой на журнал.

Сдано в набор 15.03.82. Подп. к печ. 17.04.82. А03279.  
Формат 84×108<sup>1/16</sup>. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36.  
Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 343.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изда-  
тельства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес изда-  
тельства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущев-  
ская ул., 21.



## 18 МАЯ

Комсомол принимает гостей. На снимках — представи-  
тели союзов молодежи стран Азии, Африки, Латинской Амери-  
ки и международных молодежных организаций ВФДМ, МСС и  
других — участники состоявшейся в прошлом году в Баку Меж-  
дународной конференции «Молодежь, развитие и мир».

Фото Е. СТЕЦКО



## В ИНТЕРЕСАХ

ВЛКСМ воспитывает юношей и девушек в духе верности  
принципам пролетарского интернационализма, дружбы  
молодежи всех стран, активно содействует расширению  
и укреплению связей с братскими союзами молодежи со-  
циалистических стран, с коммунистическими молодежны-  
ми организациями капиталистических и развивающихся  
государств, молодыми борцами за свободу и националь-  
ную независимость, за мир и социализм, против империа-  
лизма и колониализма.

Из Устава ВЛКСМ

В канун очередного, XIX съезда ВЛКСМ мы вновь и  
вновь сверяем свою практическую деятельность с ос-  
новным законом комсомольской жизни — Уставом  
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Мо-  
лодежи.



## ОТКРЫВАЕТСЯ XIX СЪЕЗД ВЛКСМ



## ВСЕХ И КАЖДОГО

Главные направления и задачи международной деятельности ВЛКСМ зафиксированы в нем как неотъемлемая составная часть повседневной работы нашего союза. Непримиримость к врагам дела мира и свободы народов, братская солидарность с молодежью и трудящимися всех стран — это не лозунги текущей политики, это постоянные ориентиры, руководствуясь которыми комсомол живет и действует со дня своего основания, они обязательны для каждого из сорока с лишним миллионов комсомольцев.

Конституция СССР провозглашает незыблемым принципом Советского государства заботу о сохранении мира и запрещает пропаганду войны. «Политика Советского государства,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик»,— является действенным противовесом стрем-

В. АКСЕНОВ,  
председатель Комитета  
молодежных  
организаций СССР

лению агрессивных кругов империализма навязать миру новый тур гонки вооружений, постоянно накалять международную обстановку, подрывать основы взаимовыгодных международных связей. Она глубоко гуманистична, носит открытый, демократический характер, отвечает интересам народов СССР, братских социалистических стран, всего миролюбивого человечества». Ленинский комсомол, вся советская молодежь считают для себя задачей первостепенного значения активную, широкую, неустанную борьбу за мир. Искренний, заинтересованный отклик, который вызвала у советских юношей и девушек Программа мира на 80-е годы, выдвинутая XXVI съездом КПСС и дополненная новыми советскими мирными инициативами, ограничен для молодежи страны реального социализма, занятой масштабным, созидающим трудом. Не для того мы возводим здание нового общества, чтобы плоды самоотверженного

труда многих поколений однажды сгорели в ядерном пожаре. Высшая цель партии — благо народа, духовное и физическое развитие личности. Созидательные задачи не решают с помощью средств тотального разрушения. Советским людям война не нужна.

Убедительным подтверждением миролюбивой политики КПСС могут служить новые мирные инициативы Советского Союза, в том числе по введению в одностороннем порядке моратория на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР, изложенные в речи Леонида Ильича Брежнева на XVII съезде советских профсоюзов.

Война несовместима с нравственными, философскими, идеологическими и политическими основами нашей жизни. Глубинная, логическая связь между созидательным коммунистическим строительством и миролюбивой внешней политикой нашей партии и государства определяет характер международной деятельности Ленинского комсомола.

Мы исходим из того, что решение насущных проблем молодежи возможно лишь в условиях мира. Заботой о сохранении мира проникнута вся деятельность Центрального Комитета ВЛКСМ, Комитета молодежных организаций СССР.

Авторитетным мнением советской молодежи по самым актуальным проблемам современности знакомятся все более широкие круги зарубежной молодежи. Со времени предыдущего съезда у нас прибавилось много партнеров по диалогу. Сегодня КМО СССР поддерживает отношения с 1350 национальными, региональными и международными организациями молодежи и студенчества из 140 стран.

Сама широта международных связей комсомола подтверждает его готовность искать общий язык со всеми, кто обеспокоен судьбами молодого поколения, опасностями, которые таит в себе воинственная политика империализма.

В международном движении за мир, разрядку, разоружение Ленинский комсомол действует в едином строю с братскими союзами молодежи стран социалистического содружества. Нас объединяют коммунистические убеждения и созидательные цели, для осуществления которых необходим мир. Проекты совместных строек СЭВ, на которых трудится молодежь, масштабны и устремлены в будущее, в котором нет места войне. Ради этого будущего объединили свои усилия молодые рабочие советско-монгольских бригад «Найрамдал — Дружба», internationale коллективы на таких стройках, как газопровод «Союз», энергосистема «Мир», Усть-Илимский целлюлозный завод, никелевые заводы на Кубе и многие, многие другие. На XXVI съезде КПСС отмечалось: «Отношения между государствами исстари назывались международными. Но лишь в наше время, в мире социализма, они действительно стали отношениями между народами. В них непосредственно участвуют миллионы и миллионы людей».

Страны социалистического содружества, таким образом, уже сейчас создают прообраз таких отношений между людьми и народами, к которым могло бы прийти все человечество, если бы не империалистическая политика диктата и силы.

Молодежным союзам содружества отводится все более важная роль в политической системе социалистического общества, в управлении государством, во всей общественной жизни. Внимательно изучая опыт братских стран, как призвал к тому XXVI съезд КПСС, комсомол одновременно предоставляет коллегам из социалистического содружества все возможности для ознакомления со своей работой по вовлечению молодежи в коммунистическое строительство.

Растут масштабы задач всего социалистического содружества, усложняется их характер, и соответственно усложняются задачи братских молодежных союзов. Формируется коллективный опыт, принадлежащий молодежному движению всего содружества. И важную часть этого опыта составляет общая работа по сохранению мира, ведущаяся

на всех уровнях, от первичных организаций, поддерживающих прямые интернациональные контакты, до центральных комитетов братских молодежных союзов.

В антивоенное движение вовлекаются массы людей и организаций самых разных политических и религиозных убеждений. Последовательную, принципиальную позицию в борьбе за мир занимают коммунисты. Они за совместные широкие выступления миролюбивых сил, представляющих различные идеологические воззрения. И, как показывает опыт, в частности западноевропейский, координация антиимпериалистических действий между коммунистическими союзами молодежи и студентов этих стран и другими молодежными организациями год от года расширяется.

Налаживается диалог, поиск согласованных позиций по многим важным вопросам, в том числе по борьбе за права молодого поколения в капиталистических странах. Такое складывающееся взаимодействие молодых коммунистов с молодежью социал-демократической, клерикальной, радикальной, либеральной ориентации, хотя и наталкивается на противодействие некоторых партий, в ряде стран становится нормальным явлением.

Что касается Ленинского комсомола, то он за диалог. Мы никому не навязываем своих взглядов. Как сказал В. И. Ленин, «за наши взгляды вступается сама история, вступается на каждом шагу действительность». В полном соответствии со сложившейся в международной молодежной среде демократической практикой дискуссий мы излагаем свое мнение, выслушиваем доводы других сторон, ищем взаимоприемлемые позиции, но при этом, разумеется, никогда не приносим в жертву наших принципов, чего не требуем и от других.

Мы не сторонники абстрактных дискуссий. Зато, когда речь заходит о важном конкретном вопросе, таком, как антивоенная кампания или положение молодежи, мы всегда готовы пойти навстречу, чтобы такое обсуждение состоялось. Мы не преследуем корыстных целей, расширяя зарубежные контакты. Главный и единственный наш критерий — это польза, которую может извлечь для себя из совместных обсуждений молодое поколение.

Узнать мнение комсомола по той или иной проблеме хотят и наши друзья, и оппоненты. Это естественно. Опыт такой организации, как Ленинский комсомол, представляющий молодежь великой страны, не может никого оставить равнодушным, не может не интересовать.

Отношение наших друзей к комсомолу проиллюстрировано в этом номере «Ровесника» рядом материалов. Мне же хочется привести выдержку из одной статьи, которая дает представление об атмосфере наших дискуссий с теми, кто находится, так сказать, по другую сторону идеологической баррикады. Автор статьи, появившейся в финской газете «Ууси Суоми», председатель Союза молодых коалиционеров — молодежной организации Национальной коалиционной партии Финляндии<sup>1</sup> — Унто Хямяляйнен отвечает противникам расширения контактов с советской молодежью:

«Сотрудничество между молодежью Финляндии и Советского Союза имеет большие традиции. В обеих странах уже заранее достаточно четко знают о различиях в точках зрения. «Заигрывание» или «отказ от идеологии» попросту невозможны. Линия должна быть постоянной и строиться на прочной основе, если стороны пришли к общему мнению.

Некоторые публикации в прессе дают неверную картину всего сотрудничества. За последний год я принимал участие во многих переговорах с представителями молодежных организаций соседней страны. Отношение друг к другу на этих переговорах можно охарактеризовать, по-моему, одним словом — корректность. Ни одна из сторон не указывает пальцем на недостатки другой, усилия сосредоточены на том, чтобы найти общие факторы.

<sup>1</sup> НКП — одна из старейших партий Финляндии, выражает интересы крупного промышленного и финансового капитала, высшего офицерства, чиновничества и духовенства.— Примеч. ред.

Я принимаю участие в этой работе как коалиционер, поскольку ее цели согласуются с целями внешней политики Финляндии и моей собственной партии. Даже при тщательном анализе мне не удалось найти в высказываниях критиков сотрудничества подходящие альтернативы, использовав которые я мог бы в лучшей степени способствовать достижению этих целей».

Какого-либо комментария к этим словам не требуется: они достаточно убедительны. При подписании Долгосрочной программы сотрудничества советской и финской молодежи на 1981—1985 годы первый секретарь ЦК ВЛКСМ товарищ Б. Н. Пастухов сказал: «ВЛКСМ радует то обстоятельство, что в последние годы для развития сотрудничества между молодежными организациями СССР и Финляндии был характерен постоянный поиск новых форм, дух взаимопонимания, творчества, высокой ответственности и смелости... Взаимодействие наших молодежных организаций в борьбе за всеобщий мир, безопасность, разоружение и сотрудничество является конкретным вкладом молодежи СССР и Финляндии в дело разрядки международной напряженности».

Примеры, иллюстрирующие эту позицию ВЛКСМ в отношениях с молодежными союзами различных политических воззрений, я мог бы привести из практики наших двусторонних контактов в ФРГ и США, во Франции и Швейцарии и многих других странах. Наша позиция постоянна: ни в чем не поступаясь своими принципами, мы готовы сообща вести терпеливый поиск главного, того, что сближает, а не разъединяет.

Сближение молодежи на антивоенной, антиимпериалистической основе — главная цель и международных акций, инициатором которых выступает Ленинский комсомол.

XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов (1978), Всемирная кампания молодежи «Нет — нейтронной бомбе!», Международная встреча «За мирное и счастливое будущее всех детей» (1979), Всемирный форум молодежи и студентов за мир, разрядку и разоружение (1981) — вот конкретное воплощение в жизнь международных инициатив предыдущего, XVIII съезда ВЛКСМ.

ВЛКСМ активно участвует в работе наиболее представительных и массовых международных организаций прогрессивной молодежи и студенчества — Всемирной Федерации демократической молодежи и Международного союза студентов, всемерно содействуя укреплению их авторитета и авангардной роли в международном молодежном демократическом движении.

Советская молодежь внесла конструктивный вклад в создание нового механизма консультаций, обмена мнениями и выработки совместных рекомендаций — общевернойской структуры сотрудничества молодежи и студентов (ОССМС). В ней участвуют практически все молодежные политические силы: коммунисты, молодые социал-демократы, либералы, радикалы, демохристиане. Программа действий структуры на 1981 год предусматривала поддержку Всемирного форума молодежи и студентов за мир, разрядку и разоружение, проведение Дня действий молодежи и студентов, Общеевропейской молодежной конференции по вопросам охраны окружающей среды, Встречи молодежи стран Балтийского моря и другие мероприятия. Ряд мероприятий структуры был проведен в Москве.

Мы все знаем, какой беспрецедентный размах на протяжении 1981 года приняли антивоенные выступления в Западной Европе против планов Пентагона и НАТО разместить на территории этого континента новые виды смертоносного оружия. Но работа в пользу мира не ограничивается антивоенными маршами и манифестациями протеста. Любые молодежные контакты, дающие возможность лучше узнать, научиться понимать друг друга, — это в конечном счете тоже работа в пользу мира.

На протяжении последних лет мы принимали у себя сотни иностранных делегаций, приезжавших на семинары, переговоры, встречи, конференции. Только в 1981 году ВЛКСМ и КМО СССР были гостеприимными хозяевами

таких крупных мероприятий, как очередной, шестой Международный семинар молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана, Неделя дружбы молодежи СССР и НДРИ, Конго, Мадагаскара, Панамы, VII встреча молодежи СССР и ФРГ, Международный фестиваль молодежной песни «Красная гвоздика» в Сочи. Многочисленные делегации и художественные коллективы выезжали за рубеж: в Финляндию на III Фестиваль дружбы советской и финской молодежи, в Колумбию и Мексику, США и Сирию, на Кипр и в Индию, во многие другие страны. Это и есть работа в пользу мира. Иностранец, встречаясь с советскими юношами и девушками, будь то у нас в гостях или у себя дома, узнает из первых рук правду о стране реального социализма, о ее врожденном миролюбии.

А труд советских людей вдали от Родины, порой в нелегких условиях? Их по праву называют посланцами мира и дружбы. Вспомним, как высоко оценил их работу Леонид Ильич Брежнев, выступая на партийном съезде:

«Тысячи советских людей работают за границей — работники посольств и других представительств, геологи и строители, врачи и учителя, металлурги и химики, транспортники и другие специалисты. Центральный Комитет выражает всем этим товарищам искреннюю признательность за высокое понимание и добросовестное выполнение интернационального долга».

Среди советских специалистов, делом помогающих решению социальных проблем освободившихся стран, много посланцев Ленинского комсомола. В Эфиопии и Анголе работают в составе интернациональных бригад молодые советские врачи. Летом 1981 года ВЛКСМ направил студенческие строительные отряды в Мозамбик и в Народную Демократическую Республику Йемен.

Одним из проявлений солидарности Ленинского комсомола с камбоджийской молодежью была отправка крупной партии продовольствия и медикаментов в адрес Ассоциации молодежи Единого фронта национального спасения Камбоджи.

Организация никарагуанских юношей и девушек Сандинистская молодежь «19 июля» приняла от ВЛКСМ груз «Корабля солидарности». По инициативе рабочих Волжского автозавода по всей нашей стране в октябре 1980 года прошел месячник солидарности с борьбой народа и молодежи Никарагуа. Советские юноши и девушки провели трудовые акции, на средства от которых в дар молодежи Никарагуа были направлены книги для первой библиотеки Сандинистской молодежи «19 июля», игрушки для Дома сандинистских детей, школьно-письменные принадлежности и учебные пособия для проведения второго этапа кампании по ликвидации неграмотности в стране.

18 мая в Москве в Кремлевском Дворце съездов открывается XIX съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Это событие огромной важности в жизни комсомольцев, всей советской молодежи. Съезд подведет итоги участия молодого поколения страны в коммунистическом строительстве, итоги пути, пройденного комсомолом под руководством партии за четыре года, прошедшие со времени предыдущего комсомольского съезда.

Международная деятельность ВЛКСМ — одна из важных тем, которые обсудят делегаты съезда. Будут намечены новые задачи по расширению и совершенствованию работы в деле воспитания советской молодежи в духе интернационализма, активного участия ВЛКСМ в международном юношеском движении за мир, за социальные права молодежи. Можно не сомневаться, что съезд примет такие решения, которые будут с удовлетворением восприняты зарубежной молодежью. Потому что в их основе, как и на предыдущем съезде, будут лежать близкие и понятные всем юношам и девушкам земли идеалы мира, дружбы, социальной справедливости. Борьба за эти идеалы для Ленинского комсомола — закон, закрепленный в его Уставе. XIX съезд ВЛКСМ станет новым подтверждением того, что Ленинский комсомол был, есть и всегда будет верен этому закону.



# МАЙСКИЙ ПРАЗДНИК





# ПИОНЕРИИ



К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов! К борьбе за построение самого справедливого общества на земле. К борьбе за мир и дружбу между народами. К борьбе за счастье.

Будь готов достойно продолжать славную историю Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, которая отмечает в эти майские дни свое 60-летие.



# XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

## БРУНО СОЛИГУ:

Передо мной, секретарем городской организации, становятся вопросы, которых раньше не возникало. Мне важно знать: как воспитывается активность молодежи? Я много слышал о комсомоле. Эта многомиллионная организация молодежи действует в условиях социализма, а не в условиях классовой борьбы. Как это удается?

Бруно Солигу приезжал в Советский Союз прошлым летом, когда в белорусском лесу под Минском работал традиционный, пятнадцатый по счету, лагерь дружбы советской и французской молодежи. Наш журнал рассказывал о встречах тех дней. Молодые французы говорили о войне и мире, о подробностях событий на шахте «Сабатье», департамент Нор<sup>1</sup>.

Рассказчиков было всего несколько человек, участников — около ста. Бруно Солигу — один из главных участников и неглавный рассказчик. После разговора о «Сабатье» мы встречались на заседаниях «Круглого стола» и различных дискуссиях. На всех этих собраниях Бруно вел записи, конспект.

— Привычка со времени учебы?

— Лицей? — переспросил он. — Нет, конечно!

— Почему — конечно?

В дискуссии был предобдуманный перерыв.

— Да потому, — объяснил Бруно, облокотившись на стол и улыбаясь, — что мне еще ни разу не подфартило — использовать знания, полученные в лицее. Я по специальности коммерсант.

Так начался наш новый разговор, в

течение которого мне было интересно узнать, почему в истории с «Сабатье» Бруно Солигу, ровесник всех остальных ста, оказался наиболее мужественным, наиболее знающим, наиболее уверенными в победе (так о нем сказал секретарь Движения коммунистической молодежи Севера Франции Дени Море). Почему помощником Дени Море был он? Когда я спросила об этом Бруно, он сказал:

— Потому что я секретарь Движения в нашем городе.

Но этого было мало. Потому что секретарей тоже выбирают, из числа кандидатов.

— Со мной получилось по-другому, — сказал Бруно. — Получилось само собой. Получилось, что я как бы сам собрал людей, а когда мы организовались и стали частью Движения, им, наверное, ничего не оставалось, как выбрать меня. — Он усмехнулся и сделал пепельницу из бумажки.

— Это было тебе необходимо?

— Да, — сказал он, — поскольку... поскольку это было частью моих личных проблем. У каждого человека должно произойти в жизни такое, что заставит его увидеть жизнь.

— То есть взглянуть на жизнь иначе.

— Нет, — поправил он, — «иначе взглянуть» — это уже иметь вполне определенные представления. У меня было не так. Зато, например, сейчас, за эти дни, вполне возможно, я стал смотреть на жизнь иначе. Даже наверняка это так. Просто надо проверить. Надо об этом еще думать.

— Посмотреть записи?

— Ну да, — сказал он. — Разве я не говорил, что здесь идет настоящая учеба?

— Что представляется тебе самым важным?

— Организация, — ответил он очень серьезно.

Он исчез и вернулся с коробкой слайдов. На первом был прокопченный город. Слайд был совсем темный. А лица людей были сняты так: захвачены врасплох.

— Три года назад, — начал он так, будто диктовал текст к слайду, на самом деле он говорил о другом, — я не видел необходимости разбираться в том, что есть социализм и борьба. Сейчас я убежден, что в этом надо разбираться и этому надо учиться.

На нескольких слайдах, которые шли вслед за первым, было почти то же: город, люди. Непонятен был взгляд фотографа: зачем понадобилось снимать этот город и людей, растерянных и будто захваченных врасплох. Впрочем, настроение было тягостное.

— Есть вопросы, ответы на которые давались не один раз. Каждому жизнь задает одни и те же вопросы, хотя история не повторяется слово в слово. Вчера сюда, в наш лагерь, приходили люди, они — герои войны, ветераны. Я смотрел на них, слушал, а потом понял, что они — воспитанники молодости. Я это очень сильно почувствовал. И старался это понять: воспитанники моло-



Бруно СОЛИГУ,  
секретарь городской организации  
Движения коммунистической моло-  
дежи Франции

дости. Что молодость — как человек ее проводит, где и с какими чувствами, — воспитывает человека на всю жизнь, так что потом он может стать героем и быть всю жизнь победителем, готовым к борьбе. Я смотрел и видел, что передо мной герои и победители от того, что было в их молодости.

— В молодости они воевали, — сказала я.

— А раньше? — спросил он.

<sup>1</sup> См. «Ровесник» № 12 за 1981-й и № 3 за 1982 год.



# "ТОГДА Я ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ"

— Строили,— сказала я.  
— Вот видишь,— сказал он.  
— Что? — спросила я.  
— Мы говорим о сознательной юности,— сказал он.  
— Мы говорим об организации.  
— Но разве это не одни и те же вопросы! Участвовать или не участвовать? Строить или не строить? Воевать или не воевать? Можно знать, что эти вопросы существуют, и в решительный мо-

мент спасовать. ОТТОГО, ЧТО НЕ ОТВЕТИЛ. Раньше, вовремя, не ответил. Знал, что ответ существует,— и не ответил. Это в первую очередь вопросы именно организации.

Он взял слайд из коробки и посмотрел сквозь него на солнце.  
— Вот начало,— сказал он.  
На слайде была проходная завода и люди без лиц.  
— Мне хочется рассказать,— сказал

Бруно Солигу,— как я пришел к коммунистам. Иными словами, как в нашем городе появилась своя организация Движения коммунистической молодежи Франции. Или: как я почувствовал необходимость сделать выбор, хотя меня будто бы никто не просил об этом. Вот так штука: когда жизнь ставит тебя перед проблемой выбора, ты можешь ничего не услышать... и простоять всю жизнь. Перед проблемой. А для того чтобы была борьба, нужны цель и люди, сделавшие свой выбор. Если мы говорим об организации, то вот что мне интересно: насколько сложнее или легче действовать молодежной коммунистической организации в условиях победившего социализма?

Он сгреб все слайды в коробку, чтобы показывать сначала.

— Это город. А это завод. Понятно?

— Вроде бы.

— Я еще не подумал,— сказал он, отвечая сам себе.— Но главное, это точно: сознательная юность. Выбор в масштабе страны.

**М**ой город все называют «Город дыма». Образное название, точно?

Но, по моему мнению, это и не город вовсе, а жилье при огромном заводе, который жрет людей, так мне всегда казалось. Особенно поутру. Когда завод заглатывает людей, когда в городе остается один дым. «Большой завод» — так у нас говорят о заводе. С большой буквы, будто это название города. Город дыма — Дым — Большой завод. Когда я прочел в газете, «что вся экономическая жизнь нашего города и близлежащих поселков целиком подчинена комплексу завода «Юзинор», то я подумал, что никакой, наверное, отдельной человеческой жизни города нет, а есть одна всесильная экономическая жизнь Большого завода. Так было, наверное, всегда.

Я просыпаюсь под разговоры о заводе. Если дома молчат, то молчат о нем. Так в магазине и на улице. Нет людей — есть дым — тоже завод.

Лишь в лицее о заводских делах не говорят. Не принято. Лицей — островок. Лицей — при заводе, но он вне завода! «Лицей — ваша свобода и ваше будущее!»

А потом я понял, что никакого острова не существует. И лицей мой дорогой тоже завод.

Потом, КОГДА ВСЕ ЭТО НАЧАЛОСЬ. Когда дым развеялся.

Я об этом и рассказываю — как я начал понимать и как потом пошел на этот завод, увы, не работать, никто меня не звал работать, а опять-таки чтобы лучше понимать, и разобраться, и выбрать.

Каждый должен хорошо запомнить день, когда он начал понимать и сделал выбор, я об этом и рассказываю, потому что жить просто так или «как все» — это худшее, что человек может сам себе подсунуть вместо человеческой жизни.

В пятидесятому году у нас уже были увольнения. У отца было прочное место, и его не уволили. (А другого уволили. У него, значит, было непрочное место.) Отец потом перешел работать кассиром на вокзал. Так он никогда не вспоминал, как его не уволили, потому что у него было прочное место. И мне никто не рассказывал этой счастливой истории, произошедшей ровно за десять лет до моего рождения. Очень много мне рассказывали о том, «когда папа был молодой», так что потом это время тебе представляется как сплошная беготня за подарками и курьезы, над которыми можно хохотать еще лет двадцать. А это нет. Не потому, что они хотели бы скрыть от меня, а просто не считали эту историю с увольнениями заслуживающей внимания. Ну, уволили. Кого, как было его имя? Папиного напарника? Густав? Дени? Но ведь это нормально: у одного все прочно и хорошо. «Как у папы». У другого может быть и непрочно. Видимо, этот другой был парнем невезучим, но потом он, конечно, нашел себе что-то подходящее. Ну конечно, малыш. Он нашел, этот Густав-Дени. «И если ты будешь стараться так, как старается отец...»

Я даже однажды так размечтался об ожидаемой жизни, что едва не всплакнул. В ту минуту я сильно рассчитывал на рабочую жизнь. Будто бы заканчиваю лицей и отправляюсь на Большой завод: блеск! У нас уже была там практика в коммерческом отделе. Там, в коммерческом отделе, все отлично. Действительно отлично. И будто бы я женюсь. И беготня за подарками в стиле маминых воспоминаний. Я представил, как Мишель в платье из маминых воспоминаний выходит за меня и мы женимся. Детский сад.

А потом, КОГДА ВСЕ ЭТО НАЧАЛОСЬ, я понял, как у человека бывает прочно в башке уложено, так прочно, что он уже тут соображает об отвлеченных вещах. Хотя какие это отвлеченные вещи! Но он вообще не может сосредоточиться, слежались мозги. Вот его ударило, он обмер и сидит, судьбы, называется, ждет.

Так прочно, как консервы в банке. Так прочно, что его трясти надо, чтобы у него там... мысль всхлипнула.

А случилось — ничего особенного, малыш. «С нами ничего не может случиться?» Объявили, что Большой завод закрывается. Все.

К тому времени — мне было восемнадцать, а сейчас двадцать один с хвостиком — единственное, чего я достиг, как мне теперь ясно, единственное мое было достижение — привычка читать коммунистические газеты. Но и то, как я читал: «как об этом или о том пишут коммунисты». Не вникал особенно. Это плохо, надо вникать во все, за что берешься, и хотя бы три вещи за всю жизнь наберешь, тебе известных по настоящему. Но все равно хорошо, что хоть привык читать газеты. Так все это началось.

Моя мать практически не спала со

дня объявления. Я просыпался от света за дверью моей комнаты. Сроку дали два месяца. За два месяца всем нужно было найти работу. Через два месяца завод закрывался. Все ночи этого срока мать простояла перед окном, за которым ничего не было видно. Когда рассветало, был туман, смешанный с дымом. «Пожалуйста, ни о чем не спрашивай». Появилась запретная тема (которая в течение всей жизни — той, которую я помнил, и той, которую помнили они, взрослые, — была единственной темой для разговора, обсуждений и размышлений). Стук вилки за завтраком стал раздаваться на весь дом. У других было то же. Однажды за таким завтраком мать сказала вдруг ни с того ни с сего: «Это у-жа-сно». Отец схватил куртку и ушел.

— Что ты сидишь, — сказала она мне, — иди, уходи, иди.

Я пошел в лицей, вспоминая «это ужасно».

Да если бы они дали и шесть месяцев, все было бы то же!

Отец не работал на заводе, но это не имело значения. Сначала был один вокзал, но из-за Большого завода стал необходим и второй. Без завода обязательно начались бы сокращения и на вокзale. Не только на вокзale. Везде. А у нас в большой семье, то есть со всей родней, многие работали на заводе, братья отца например. Никто не мог считать свое место прочным. Поэтому началась настоящая драма, и люди вели себя так, будто у них отнимали главное в жизни. И ждали судьбы, обмерев.

Отец стал приходить домой не один и с бутылкой. Весь город вечерами пил. Первый случай самоубийства так всех потряс, что город оцепенел. «Начинается что-то страшное, мальчик». Потом были еще случаи, а разводы за несколько недель перестали быть новой темой. Отец продавал билеты, выглядывая, кто на этот раз, все бросив, уезжает. Уезжали просто так, так же как пили. Наш район не был единственным, где проходили увольнения. Все газеты были полны подобными новостями.

С момента объявления о закрытии и передачи завода иностранной фирме рабочие начали забастовку.

Я подумал, что если пересижу это время, если пережду его и забуду, то, возможно, в будущем мне тоже придется описывать свою молодость как бесконечную цепь розыгрышей и курьезов в рождественских тонах. Листовки, которые мы стали печатать на пишущих машинках в лицее, не понравились администрации. За нас было лишь несколько преподавателей-коммунистов. А сколько было нас? Все были мои друзья, которым я предложил организовать что-то вроде профсоюза учащихся для помощи бастующим. Мой отец всегда стремился к справедливости. Я тоже всегда стремился к справедливости. Вопрос, в чем видеть несправедливость, а в чем — «судьбу». Вопрос, как стремиться к справедливости! Во

Франции тогда уже был миллион безработных и увольнения все продолжались.

Наши лицейские листовки сейчас кажутся мне немного беспомощными не по стилю, а по мысли. Мы призывали поддерживать бастующих и писали, что без «Юзинор» город захнет. «Нет работы — нет будущего». Думал ли я сам так? Я заканчивал учебу и метил теперь лишь в безработные. Правду сказать, так и произошло. Мы бегали по городу, выступали на собраниях и проводили дискуссии в лицее, которые были потом запрещены, — чтобы действовать, чтобы что-то делать, чтобы и м помочь.

Печи завода все еще дымили...

Я забыл сказать, что производит Большой завод. Это сталелитейный завод. Производство стали начало обходиться все дороже, это связано с энергетическим кризисом, а передача завода иностранной фирме позволяла владельцам получить прибыль сразу. Когда рабочие решились на забастовку — то была не простая забастовка, а занятие завода и прекращение работы, — они решились на риск. Смысл демонстративной «оккупации» завода был в том, чтобы завод «немного» работал. Необходимо было показать, как хотят рабочие работать. Но если печи погаснут, все действия рабочих потеряют смысл.

Пока печи дымили! Я ходил в лицей.

Я заметил, что рабочих поддерживают коммунисты, так же как нас, поддерживающих рабочих в стенах лицея, поддержали лишь преподаватели-коммунисты. И я захотел до конца разобраться: действительно ли решение рабочих — это жест отчаяния, бессмысленный потому, что «все кончено», и почему коммунисты поддерживают рабочих?

Я пошел в мэрию к человеку, которого зовут Густав Ансар. Коммунист Густав Ансар сыграл большую роль в моей жизни. Он принял меня как руководителя лицейской профсоюзной группы, но скоро понял, что я хотел бы получить урок, что я пришел послушать, что мне скажет он. Мы говорили, как сейчас помню, о «достоинстве рабочего класса». Это слово — достоинство — употребил Густав, и потом я подумал, что чувство достоинства, может быть, это единственное из человеческих чувств, которое заставляет человека забыть о себе, чтобы бороться за всех. Мне казалось, что я начал понимать коммунистов. Во всяком случае, мне теперь было ясно, что я на их стороне, на стороне рабочих и коммунистов. Я хотел быть за воротами у проходной, я хотел почувствовать...

Густав сказал, что, прежде чем рабочие пустят меня за проходную, они должны убедиться в нашей — тех, кого я представлял, — солидарности с ними. Я ответил, что солидарность доказы-

вается на деле, а не словами. Густав обещал переговорить с рабочими. Наверное, он думал, что это больше всего нужно нам и мне, а не бастующим рабочим. Наверное, он был прав...

Когда я пришел на завод, меня остановил рабочий-часовой. Все было сильно похоже на военное время, как я его себе представляю. И с этого дня я каждый день появлялся на заводе, и смотрел, и слушал. Люди, которые засели на заводе, — это были нормальные, настоящие люди, и я понимал все, о чем они говорили. Впервые я увидел, как можно гордиться своей работой. Они не боялись и не ждали судьбы. «Юзинор» тогда стал для Франции символом борьбы, сопротивления насилию.

А что пришлось на нашу долю? Мы были пропагандистами, мы рассказывали о причинах событий на «Юзинор» и говорили о будущем, которого нет без работы, и еще о достоинстве рабочего класса. Во многом мне приходилось разбираться на ходу. Я выступал на митингах — и думал. Я писал статьи для городской газеты и понимал: чтобы быть убедительным, необходимо стать убежденным. Над стилем я неился.

Дважды власти пытались проникнуть на завод.

У каждой печи стоял часовой, кто-нибудь из отцов моих приятелей. Чтобы о «Юзинор» знали, надо было, чтобы «Юзинор» был открыт для людей. Тысячи жителей города и пригородных поселков приходили к проходной. Тогда открывался митинг. Так же было в городе и в поселках. Так было каждый день. Я никогда так много не слушал, так много не говорил, так много не думал.

Но сначала, повторяю, я только слушал. На заводе меня знали в лицо все часовые, потому что каждое утро с семи до семи тридцати проходили собрания рабочего комитета, следовательно, в шесть сорок пять я стоял у проходной. Я приходил как на урок. Как на курсы. Даже с тетрадкой. На этих заседаниях присутствовали представители различных организаций и разных партий.

В нашем городе влияние коммунистической партии было очень сильным. Но молодежной коммунистической организации не было. В лицее всем заправляли анархисты. Нужно было создать такую организацию — молодежную коммунистическую.

В Париже, во время крупной демонстрации металлургов Франции, я встретился с секретарем Движения коммунистической молодежи Севера Франции Дени Море. Он сказал, что организацию нужно создавать не только в лицее, но и в городе. Для этого предстояло искать ребят из рабочих семей, говорить с ними и объяснять им задачи коммунистов. Дени сказал, что события на «Юзинор» — это требование к нам, к молодежи. К этому времени, правда, в городе уже улеглась паника, я мог судить об этом по моей семье — все прислушивались к заводу.

Прислушивались, но не как раньше. Чувствовали свою зависимость от того, что происходит на заводе. Но не как раньше! Смотрели на дым от заводских печей с надеждой — печи дымили.

Я немного отвлекусь от событий, чтобы кое-что пояснить. Необходимость сплочения авангарда молодежи — это была реальная необходимость момента. Но это была и давно назревшая необходимость жизни. Потом я много размышлял над этим, как организовывать молодых людей, как их привлекать в коммунистическую организацию. Мы объединились, потому что это было нужно рабочим. Если бы не было забастовки, могли бы мы объединиться так легко? Важно думать об этом, потому что сейчас, когда события на «Юзинор» уже в прошлом, передо мной, секретарем городской организации, становятся вопросы, которых раньше не возникало. Мне важно знать: как воспитывается активность молодежи? Я много слышал о комсомоле. Эта многомиллионная организация молодежи действует в условиях социализма, а не в условиях классовой борьбы. Как это удается? Мне кажется, что нужны примеры. Прошлое, героизм. У нас в городе — прошло почти три года — каждый член Движения коммунистической молодежи помнит времена «Юзинора». Когда наша организация только была создана, она насчитывала всего около двух десятков человек. Летом — сотни. Потом разделились: образовалась отдельно лицейская, городская, организация в квартале металлургов. И дел у нас было по горло.

Когда после лета начались занятия в лицее, там появились два неизвестных преподавателя. Никто не мог сказать, какими дисциплинами они владеют. Потом я понял: это были переодетые полицейские. Они так и шныряли глазами. А раз, когда я пошел на завод, я увидел, что за мной следует машина. Несколько раз машина сопровождала меня всюду. Тогда я стал хитрить. В лицее две тысячи студентов и даже преподаватели порой не знают друг друга. Они рассчитывают на разобщенность. Враги всегда рассчитывают на разобщенность. Они стремятся разъединить нас. Когда была демонстрация в Париже, нами были схвачены провокаторы, и у них были обнаружены полицейские удостоверения. Провокаторы пытались устроить столкновения с полицией, и только наша уверенность в товарищах позволила обнаружить провокаторов в рядах демонстрантов. Это еще раз говорит о необходимости хорошей организации. Перед демонстрацией все наши были предупреждены о необходимости всеми силами сохранять порядок во время акции.

Самый драматический момент этой истории — 6 марта, когда Денен, «Город дыма», был атакован частями по-

лиции, специально обученными для проведения таких операций. Около полудня рабочие, возвращавшиеся с демонстрации, подверглись нападению этих частей. Все, кто находился в автобусах, были избиты, даже женщины. Во главе этой операции, как мы узнали, был комиссар полиции нашего города. На следующее утро комиссариат был окружён баррикадами. В этот день я увидел, какими средствами пытаются усмирить рабочих. Дубинки, пистолеты, винтовки, и палки, и гранатометы, стреляющие слезоточивым газом. И еще танки, стреляющие водой. Бронированные автомашины.

Такой поворот событий не соответствовал линии, проводимой бастующими, рабочие не хотели столкновений. Но теперь они стали неизбежны. Я с утра был в лицее, но очень скоро слых о происходящем в городе дошел до нас, и мы все — все, кто был с нами — вышли в город и влились в ряды демонстрантов. Мы пошли на баррикады. На два дня и две ночи город превратился в военный лагерь. Было много дыма. Другого дыма. Я считал, что я уже сделал свой выбор, но теперь мне предстояло еще раз себя проверить.

Баррикады окружили комиссариат. Комиссариат у нас стоит на площади Виляра. Там были построены баррикады. Там были перевернутые машины, столы. Из-за баррикад в нас стреляли пластиковыми пулями. Вечером и ночью мы держались, никто не уходил домой. Еду приносили из магазинов, торговцы не требовали платы. Полиция не могла прорваться сквозь баррикады, но, когда полицейские части, присланные на помощь городской полиции, пошли на город, наши силы оказались неравны, и баррикады были смыты. Мы спрятались в церкви и в мэрии и выставили охрану. В мэрии нашего города есть коммунисты, поэтому нас там не тронули. Начались переговоры с полицией.

#### ПЕЧИ БОЛЬШОГО ЗАВОДА ЕЩЕ ДЫМИЛИ.

В эти дни я сделал свой выбор на всю жизнь. Жизнь моя теперь не могла сделаться прежней, и я не мог думать о будущем, не связывая его с борьбой и с родным городом. Я видел борьбу. Я увидел, что составляет главное богатство моей страны. Я понял, что есть несправедливость. Слова «достоинство рабочего класса» стали для меня ощущимым понятием. Я почувствовал: я — с ними.

Сейчас я безработный. В нашей организации тысяча человек. Все мы стремимся связать нашу каждодневную работу с общими целями, с борьбой за социализм. Я много думаю и много читаю. Я счастлив. Отец говорит, что никогда не думал, что моя жизнь начнется так неудачно. «Не отчайтайся, малыш. Ты что-нибудь подыщешь». Он не верит, что это уже произошло.

Записала Н. НИКОЛАЕВА

# XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

## МУИН БСИСУ:

Я хочу правдиво рассказать о Советской стране, о ее замечательных людях, о советских коммунистах и комсомольцах.

«Мой Советский Союз» — так будет называться книга, над которой я сейчас работаю. Я коммунист, и для меня ваша страна не просто страна, которую я всем сердцем люблю. Я радуюсь ее успехам, переживаю, когда ей трудно. Пусть я не воевал под Ленинградом или Одессой, пусть я бываю в СССР лишь наездами, все равно — моя судьба неотделима от судеб тех коммунистов и комсомольцев, которые создали, защищили и отстроили Советское государство. Ибо СССР — воплощение ленинизма в конкретное, живое дело, в государство трудящихся, а ленинизм принадлежит всем коммунистам.

В прошлом я девять лет провел за решеткой египетской тюрьмы и в концлагере. За что? За то, что коммунист.

Меня содержали в одиночной камере. Голые каменные стены да одеяло на полу. В один прекрасный день передо мной кладут на пол карандаш, лист бумаги и ключ. Я его сразу узнал — ключ от моей квартиры. Мне говорят: «Напиши: «Я не коммунист», забирай ключ и уходи».

...Каждую ночь, когда стены смолкают

Муин Биссу (род. в 1930 г.) — один из крупнейших современных поэтов Арабского Востока. Переводы его стихов издавались в Советском Союзе и во многих других странах. М. Биссу — член секретариата Ассоциации писателей стран Азии и Африки, редактор арабского издания журнала «Логос», выпускаемого Ассоциацией. В 1981 году награжден премией имени Мирзо Турсын-заде.

и двери становятся тяжелее, он выходит на свет из раны моей. Ходит по камере взад-вперед. Он — это я.

Этой ночью он вновь явился, вышел из раны — из самого сердца, измученный, горький, с потухшим взглядом. Ходил по камере — и ни слова. Но я услышал: «Держись! Молчи! Сдашься —

мы не увидимся больше!»

Один начальник из службы безопасности считал себя большим доктором по части психологии. Получив мой отказ, он не успокоился, привел в тюрьму моего отца, чтобы тот меня уговорил сделать такую простую вещь, написать всего три слова. Отец ответил, что раз Муин не хочет писать бумагу, значит, так тому и быть. Тогда начальник сказал: «Ладно. Пусть просто произнесет эти три слова. И забирай сына домой». По простоте душевной отец согласился. Пришел ко мне радостный. Когда он мне передал этот разговор, я не смог удержаться от смеха. Вот что я сказал отцу: «Сейчас я могу прямо глядеть в глаза тебе, матери, друзьям. И вот я произнесу: «Я не коммунист». Видишь эту камеру? Голая, пустая, да? Нет, отец, не пустая. В ней миллионы людей. Со мной здесь все мои близкие и друзья. Ты хочешь, чтобы они услышали эти слова от человека, которому верят? Ты хочешь, чтобы я отказался от самого себя? Я горжусь тем, что я коммунист. Я готов просидеть здесь еще девять лет, но ничего подобного не напишу и не скажу».

Между прочим, карандашом и бумагой я воспользовался. Написал стихотворение «Ренегат». Оно мигом разошлось среди узников.

Представь, что глаз твоего сына — чернильница. Ткни туда перо и напиши то, что тебе велит тюремщик. Но потом, проходя мимо заводской стены, Берегись, чтобы тень твоя

ее не задела. Нам помогала переносить все пытки и издевательства вера в торжество нашего дела, мы всегда чувствовали рядом плечо друга — нашего Советского Союза.

Как поэт я формировался, сами видите, в условиях далеко не лирических и на своем опыте постигал ту истину, что поэзия — да и всякое искусство — неотделима от политики. Во всяком случае, это истина для меня.

Меня мучил один тюремщик. Бил в живот и натравливал на меня собаку, импортированную из Западной Германии. Однажды избиения прекратились, и мой мучитель заявляет мне, что любит одну девушку, а она выходит за



Муин БСИСУ,  
палестинский поэт

него не хочет. Так вот, не помогу ли я, поэт, его делу? Надо написать красивые-красивые стихи о том, как он ее любит, и тогда ее сердце смягчится. Что делать? Я видел, что этот парень не садист, что он только темный, неграмотный человек.

Хорошо, говорю, будут стихи, по сигарете за каждый.

Когда меня выпустили, этот человек пришел ко мне домой, положил руки на стол, рядом — огромный тесак, и сказал: «Отрежь мне руки. Я тебя бил. Мне сказали, что ты враг ислама». Когда он успокоился, я спросил насчет тех листков, по сигарете за штуку. Он расплылся в улыбке: «Она стала моей женой».



## "О КОМ Я НАПИШУ"

Невежество, покорность богатству и силе, а главное, нищета — все еще обычная картина на Арабском Востоке. Контраст со Среднеазиатскими республиками СССР разительный. Встречаясь с людьми новой, социалистической формации, воспитанными партией и комсомолом, такими, например, как узбекская ткачиха, Герой Социалистического Труда Мелихон Абдулаева, ставшая депутатом Верховного Совета СССР в двадцать лет, я всякий раз мысленно возвращаюсь в мою родную Газу, где не был уже много лет. Сколько достойных людей породила и моя земля, но они лишены права украшать ее садами, светлыми домами, фабриками и школами. Они живут в изгнании,

бедствуют, но не сдаются. С оружием в руках ведут борьбу за родину, за святое право жить в нормальных человеческих условиях.

Когда меня выпустили из заключения, то предложили место учителя рисования в начальной школе в глухой деревеньке. «Вряд ли тебе удастся превратить малышей в красных комиссаров с помощью цветных карандашей», — сказали мне. Преподавать в любой другой школе мне было запрещено. Я поехал в деревню.

Однажды я велел детям нарисовать банан. В конце урока начал собирать рисунки. Один мальчик молча подал чистый лист. Я ему сказал, чтобы после занятий он явился в учительскую. Он

пришел и сказал: «Господин учитель, я не мог вам сказать при всех. Меня бы засмеяли. Я никогда в жизни не видел банана».

Я пошел к нему домой и спросил его отца, откуда он родом. Оказалось, из Иерихона. Знаменитое место. Иерихон — родина бананов всего мира. Следующий урок я посвятил разговору об Иерихоне.

Прошли годы. Однажды я поехал в Иорданию. Один из сопровождавших меня юношей-палестинцев все глядел на меня и наконец сказал: «Вы меня не помните?» Я покачал головой. «А деревенская школа? Это я тогда не смог нарисовать банан». Мы обнялись. «Хотите, расскажу про мое первое боевое задание? Я должен был пробраться в составе разведгруппы в Иерихон. И вот я выломал большую гроздь бананов, положил ее на плечо и приволок домой. Принес, бросил перед отцом и сказал: «Вот, это и есть бананы».

Разные пути у наших народов, у наших людей. Но нет-нет, да и высверкнет в памяти такое, от чего защемит в груди: как похоже... Монумент в Брестской крепости: солдат, ползущий к воде с каской в руке. Каждое утро пионеры наливают в эту каску свежую воду. Помните? У защитников крепости не было воды, и кто-нибудь под пулями полз с каской к реке и, может быть, возвращался с водой. А мне вспомнился наш лагерь Тель-Заатар<sup>1</sup>, где чашка воды была чашкой жизни. Партизаны-добровольцы пробивались в лагерь, доставляя туда медикаменты и спасительную воду. Брест и Тель-Заатар...

Родина, знай:  
не совьют из меня бельевую  
веревку,  
на которой палац  
просушит маску и плащ.  
И не выйдет вешалка  
из моей шеи  
для вражьей шинели.

О ком в первую очередь рассказать нашим людям, которые относятся к Советскому Союзу с уважением и признательностью за поддержку, но вряд ли представляют себе в полной мере, через какие испытания прошел советский народ?

О хлопкоробах Андижана, слушавших и, я видел, принимавших близко к сердцу мои стихи о трагедии Палестины?

О ткачихе-комсомолке, ставшей членом верховного органа власти великой державы мира, ныне коммунистке и героине труда Мелихон Абдулаевой?

А может быть, о двадцатилетней армянской певице Эрне Юзбашян, дочери народа, воскресшего только при Советской власти после чудовищной резни, учиненной янычарами в 1915 году?

<sup>1</sup> В 1976 году этот лагерь палестинских беженцев в Ливане был подвергнут длительной осаде и кровавому погрому правохристианскими военными группировками.— Здесь и далее примеч. ред.

ду? (Пение ее я слушал в Сочи на Международном фестивале молодежной песни «Красная гвоздика».)

Или, наконец, о молодом пограничнике на КПП московского аэропорта Шереметьево?

Он оформлял паспорта седовласых туристов из Западной Германии. Прикладывал штемпель: проходите. О чем он думал в этот момент? Ведь, возможно, эти седовласые однажды уже пытались въехать в Москву. В сорок первом — на танках. И солдат-комсомолец, быть может, дед этого молодого пограничника-комсомольца, швыряя в них гранаты, твердил сквозь стиснутые зубы:

Не пройдешь,  
не пройдешь,  
не пройдешь!

В момент, когда эти заметки ложатся на ленту диктофона, я нахожусь под впечатлением увиденного накануне. Дерево дружбы в Сочи.

Да, им можно восторгаться. На дереве, крона которого кругла, как земной шар, растут грейпфруты, лимоны, апельсины, мандарины. На дерево привиты черенки из самых разных мест — из Берлина, Токио, Софии... Но не это самое удивительное. Самое удивительное — земля, на которой оно растет. Она привезена из разных мест. С могилы Карла Маркса, с Мамаева кургана, из Брестской крепости, с мест гибели Пушкина и Лермонтова. Земля, освященная именами Моцарта, Шопена, Гагарина, Хо Ши Мина... В этом списке — 160 имен и географических названий, великая хроника человеческих подвигов. Мне плоды этого дерева увиделись сердцами. Сердце Пушкина, сердце Лермонтова... Сегодня ночью я не мог заснуть.

Советский Союз — это как громадное дерево с пышной кроной, которая растет, растет, меняется на глазах, и пытаться нарисовать его целиком, не упустив ни веточки, ни листочка, — задача безнадежная. Не успеть. А главное — не разглядеть породы, характера, души. Иди от корней, сказал я себе. Каска в Бресте. Да, вот один корень.

Но еще раньше я определил для книги первую отправную точку. В Горках Ленинских экскурсовод вежливо предупредил меня, чтобы я не трогал перил, сделанных специально для Владимира Ильича, когда он из-за ранения мог опираться только на одну руку. Признаюсь вам всенародно: я не удержался, нарушил запрет. Я приложил свою ладонь — от имени всего палестинского народа, который чтит память величайшего преобразователя мира. Легонько так прикоснулся...

И дальше, когда нам показали лодку, которой иногда пользовался Владимир Ильич, я в мыслях поплыл на ней в родную Газу, оккупированную врагом.

Она не съется с курса,  
лодка Ильича.  
Из Ленинских Горок в Газу  
Она привезет меня,  
лодка Ильича.  
...Я бывал и раньше в этом величеств-

венном городе — Ленинграде. Мне казалось, что я много знаю о нем, о его героических людях. У меня есть стихотворение «Таня», посвященное Тане Савичевой и всем ленинградским детям, узнавшим, что такое блокада.

Как мне жить,  
если где-то новая Таня  
пишет в своем дневнике:  
«Первый день...»  
«Второй день...»

А будет ли третий день?

Каждая поездка дает новое, порой неожиданное знание. В Петропавловской крепости мне рассказали, как простой русский мастеровой починил фигурку ангела на вершине шпиля. Рискуя жизнью, он взобрался туда с помощью веревок. Эта отчаянная храбрость, питаемая гордостью за Россию, жила и в защитниках Ленинграда в годы блокады.

Горки Ленинские, каска в Бресте, Дерево Дружбы, подвиг русского мастера... Так складывается сюжет будущей книги.

Меня на днях спросили, не боюсь ли я при сборе материалов для книги натолкнуться на негативные моменты. Нет, не боюсь. Советский Союз не нуждается в такой книге, которая кричала бы только: «Ура!» Надо писать серьезно.

Я хочу, чтобы мои земляки поняли, почему советские парни защищают Афганистан. Я хочу показать бескорыстие Советского Союза, помогающего освободившимся странам строить свою экономику. При этом СССР не становится в позу благодетеля. Помогать другим для него естественно. Здесь так и говорят: интернациональный долг. Советский Союз не мыслит себя без этого долга.

1982 год — год шестидесятилетия СССР. Возраст человечества — тысячи лет. Шестьдесят лет — недостаточно большой срок, чтобы воплотить в жизнь все, о чем мечтало ленинское поколение большевиков и комсомольцев. Ленин мечтал об электрификации, и эта его мечта сбылась. Но для переделки человека шестьдесят лет — капля в океане человеческой истории. И все же процесс воспитания человека новой формации, на мой взгляд, идет успешно.

Суть советского образа жизни я ищу в характере, например, Гагарина или того шахтера, с которым я разговаривал сегодня, Героя Социалистического Труда. Твердая горячая ладонь рабочего — вот как я ее ощущаю, суть Страны Советов. Именно советский человек первым облетел Землю и первым шагнул в открытый космос... Нет-нет, упущения, которые я вижу и еще, наверное, увижу, не упадут на мои глаза повязкой, которая загородит от меня то, что следует увидеть и следует описать. Я хочу правдиво рассказать о Советской стране, о ее замечательных людях, о советских коммунистах и комсомольцах.

Записал Б. СЕНЬКИН

# XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

## ДАНИЛО ПАДИЙА КОНВЕРРАС:

Изучая историю комсомола, можно научиться любви к своей родине, потому что главное, чему учит нас комсомол, — это умение начинать важные для страны дела и завершать их победой.

И вы сейчас, может быть, скажете, что полюбить свою родину — значит просто родиться на свет и увидеть его, этот свет. А я скажу, что можно прожить жизнь и родины своей не узнать. И если не научишься жить ради блага своей страны, то не сумеешь полюбить родину — тобой открытый край. Мне кажется, что только недавно я начал понимать это — здесь, в вашей стране.

Мы ехали мимо виноградников в краю виноградников под солнцем. Мне сказали, что прежде здесь виноградников не было. «Что же было?» — хотел спросить я, потому что представить эту землю пустой невозможно. Я не стал спрашивать, я представил, как пришли люди и стали сажать ростки в землю. Теперь я уезжаю, но оставил посаженное мной дерево — не дерево, росток, воткнутый в землю и полый водой. Хоть бы оно выросло, не увяло.

Мне сказали, что до революции здесь было очень много неграмотных людей. Я знаю, что это такое, и знаю, как трудно научить человека писать, скажем, такое простое для его понимания слово, как «революция». Для этого надо самому научиться видеть человека в будущем — еще раньше, чем он сам свое будущее увидит и поверит в него.

Кто были эти молодые люди, посадившие виноградники и научившие свой народ видеть себя в будущем? Я думал о них, первых комсомольцах, детях победившей революции, и вдруг вспом-

нил Гилермо Сильву, друга моего детства, сына рабочего, рядового бойца моего небольшого отряда. Отец Гилермо не умел читать и писать, а с Гилермо мы учились в одной школе, а когда потом встретились, то оказалось, что Гилермо не умеет стрелять, и он учился стрелять в бою, отложив все свои знания, и упал, я подбежал к нему, но он лишь был слегка ранен и поднялся с винтовкой в руках. Конечно, не может быть совершенно одинаковых революций, так же как неповторимы истории народов. Но есть общие черты. Во-первых, революция — всегда взгляд в будущее. А второе, что роднит все революции в наших странах,— это характер молодежи, которая учится любить родину, следовательно, продолжать дело революции. Комсомол — наш союзник, наш старший брат. Изучая историю комсомола, можно научиться любви к своей родине, потому что главное, чему учит нас комсомол,— это умение начинать важные для страны дела и завершать их победой. То есть видеть будущее страны, а это есть продолжение революции. В вашей стране революция, отодвинувшись во времени на шесть десятилетий, продолжает жить, и она развивается, она требует все больше труда!

В Баку я приехал в составе делегации на международную конференцию «Молодежь, развитие, мир». Я слушал выступления делегатов из разных стран и видел, что в СССР приехали люди, объединенные идеей сохранить мир. Комсомол участвует в борьбе за мир на всей планете. В этом я вижу любовь к своей родине.

Когда я родился в невзрачном городе, который не запомнил в деталях, а весь он передо мной в мутнисто стоит, моей матери было пятнадцать лет. Могу представить себе, как она впервые наклонилась надо мной, завернутым в цветные тряпицы, потому что потом видел, как она склонялась над новорожденными братьями моими и сестрами-близнецами, одна из них родилась слабого здоровья,— над каждым по очереди, и в дом входила добродетельная соседка, по мнению которой мать была все еще слишком молода, чтобы справиться одной, и она отстраняла мать от колыбели, а меня гнала прочь, и я стоял во дворе и глядел на птиц.

Вот все, что я могу восстановить с достоверностью из того времени, когда я уже родился, но еще, так сказать, не смотрел на мир разумными глазами.

Хотя еще правильнее то, что человек всю жизнь старается взглянуть на мир разумными глазами, и не каждому это удается — так уж складывается его жизнь, не его вина, а вина судьбы и жизни, и если мне это удалось и сейчас я вижу мир разумными глазами и понимаю, что в нем происходит, значит, так сложилась моя жизнь и судьба моя счастливая.

Когда много лет позже, взрослым, а сейчас мне двадцать четыре года, я



Данило ПАДИИА КОНВЕРРАС,  
член организации Сандинистская  
молодежь «19 июля»

## ПТИЦЫ

спустился с гор повидать мать и специально был безоружен, чтобы не вызвать подозрений у гвардейцев, которые могли мне попасться, и шел навстречу матери, которая знала обо мне все, и видел, что мать плачет, а когда подошел, увидел, что и следа слез нет на ее прекрасном лице, то тогда я почувствовал, как она склоняется надо мной. И я бы мог тогда это вспомнить...

Мне кажется, что это мать научила меня смотреть на птиц.

Она указала мне на них, когда они пронеслись над нами огромными существами, раскрыв клювы, и дыша горлом, и кормясь воздухом.

Они, крича, летели.

Мать схватила меня за руку и указала на птиц, отстранив меня от их крыльев.

Я не знал страны, в которой родился.

Когда родился Карлос, брат, который шел следом за мной, мы впервые переехали. Мы погрузили все вещи в повозку, укрепив их веревками, и повозка двинулась, хлопая брезентовым верхом так, как будто за нами гнались птицы, а следующим рейсом отправились все мы, уцепившись за доски, в поисках жизни, которая, возможно, вдруг ста-

нет лучше. Жизнь не становилась лучше, как я теперь понимаю, но мы переезжали постоянно, с каждым новым рождением. Это было тяжелое время — то, когда я смотрел сквозь щели в брезенте, а корзина, стуча, подползала ко мне, пока ее не хватала мать. Самое длинное путешествие продолжалось четыре часа.

Моя мать всю жизнь делала одно и тоже. За небольшие деньги, которые платил ей помещик, она готовила еду для рабочих плантаций. Мой отец мог выращивать хлопок и маис, мог расчищать поля и строить. В один из переездов мы смогли построить дом из пальмовых листьев. И змеи, которые называются «ла боа», собирались на крыше нашего дома и свешивали вниз головы — зрешище, я вам скажу! Боа ловили мышей. Мы начали копить на большой настоящий дом из прессованного материала, так началось время неудач, потому что мы немного богатели, когда заканчивалась уборка маиса, и быстро беднели. Даже в хороший год мы могли скопить лишь немного маиса, не денег. Когда родились девочки и мы опять переезжали, я уже не смотрел сквозь щели, а смотрел перед собой, на то, что мы покидали, — тогда на дороге я впервые

увидел машины. Это были грузовики. Так мы оказались в Нагароте.

Помню отца, который, возвратившись с поля, играет в ручной мяч. Помню запах тростниковой водки, когда отец, возвращаясь в день получения денег, приходил с пустыми карманами. Мать и отец за столом, и разговоры, непонятные мне. Декабрьский праздник святого Роки. Святая Мария в каменной нише с вытянутым фарфоровым лицом и стиснутыми пальцами.

В «пальмовом» доме я впервые ощутил, что в нашем доме нет радости. Мать никогда не спала дольше трех часов в сутки. Мать бесконечно работала. Отец работал и глушил вино. Вино делали в соседних деревнях. Редко кто в нашем доме смеялся. Одиночество — самое сильное впечатление, самое привычное мое состояние. Мне кажется, что я только слушал и смотрел, в таком оцепенении прошло детство. Хижины, называемые домами, ягната и клекот птиц. Оглушающее одиночество.

Восьмилетнего мать принялась учить меня грамоте. Прежде она научила читать моего отца. Сама она смогла закончить два класса и сохранила учебник чтения, называющийся «Картийя-мантыйя». Во время уроков, которые она устраивала для меня сама, она смогла внушить отцу спасительную, как ей казалось, мысль дать образование хотя бы одному из сыновей. Спасителем сочли меня, и несколько лет прошли под знаком грядущего благополучия и даже процветания всех нас, едва только я, старший, послушный, старательный и способный, из-за своего образования стану необычайно богат. Я поступил в школу, зная наверняка, что буду первым учеником. Ведь ради меня, надежды всей семьи, мои младшие братья работали наравне с отцом. Мои братья остались полуграмотны, это была их жертва, принесенная ради меня — единственной надежды. Я начал учиться и с тех пор учился так, как работает единственный кормилец. На каникулах я работал так, как работает единственный кормилец. Я очень любил мать. Это была ее идея. Больше ни у кого из нас идей не было.

В Нагароте никогда ничего не случалось. Солнечная Нагароте. В каникулы я работал как все, и все вставали в три с половиной, и днем давали себе десять минут на обед, и ложились в десять вечера, и спали как мертвые. Зато в воскресенье... и святой Роки в декабре.

Владелец асьенды на лошади, в новом костюме, приезжал платить. Сам он жил в Манагуа. Несколько дней до его приезда на лошади, в новом костюме, Нагароте жила ожиданием пьяницы, для которого побежали за бутылкой. Даже когда денег было совсем мало, все равно вино лилось рекой, его закупали впрок, все запасы его выпивали, и затем следовали страшные похмельные недели, начиналась остервенелая работа до очередного появления нового костюма на лошади.

Этот человек потом плохо кончил. После революции у него был найден контрреволюционный план, и его расстреляли по приговору революционного суда.

Впервые — ведь все, о чем я рассказываю, было со мной впервые и дальше будет так же, так сложилась моя жизнь — я задумался над тем, что называется несправедливостью жизни. Мой отец, роняющий голову на доски стола. Человек на лошади. Мать с глазами святой Марии. Человек на лошади. Я, грызущий науки, чтобы стать... человеком на лошади. Такое было у меня рассуждение.

И я мучился странным моим отличием от всех.

Запах тростниковой водки мучил меня.

Я не курил.

И так далее.

Мать считала, что это оттого, что я слишком начитан.

И мне встретился человек, который меня позвал. Его звали Виктор, он был техником в типографии, он был взрослый человек с образованием, он был из города Леона, и там мы встретились и стали друзьями — взрослый человек и я, был конец семьдесят пятого года, сколько же мне было лет? Виктор Кальдеро первый сказал мне, что такая страна Никарагуа, где я родился никарагуанцем. Виктор Кальдеро называл мне самую страшную, по его мнению, беду народа — неграмотность. «Что я должен делать?» — спросил я его. «Читать», — сказал он. В феврале мы начали организовывать группу молодых людей, которые могли бы учить людей грамоте. Я сильно верил в идею Виктора. Мне смешно было потом, что я должен командовать Виктором, когда мы засели в горах и Виктор руководил нашей подпольной типографией, которую мы перетащили в горы потому, что в городе накрыли дом, нашу явку. Наши разговоры продолжились в горах, но мне всегда было немного смешно руководить Виктором, и я старался держаться так, чтобы он не чувствовал во мне командира. Так это было потом.

А пока нами была разработана целая программа действий, в которую входили благотворительные концерты, деньги от продажи билетов на которые мы пускали в наше «школьное» дело. По воскресеньям мы появлялись в Нагароте и ходили по домам, приглашая людей учиться грамоте, но без особого успеха. Это была такая попытка, такая спасительная идея...

Видимо, я пользовался доверием Виктора, потому что он сам предложил мне для чтения распространявшееся подпольно письмо, в котором говорилось, что гвардия Сомосы — это псы, охраняющие своего хозяина. То, что я прочел это письмо, еще не значило, что я должен был выбирать или связываться с Фронтом национального освобождения имени Сандино, знак которого стоял на письме, отпечатанном на ротапринте. Наверное, Виктор считал, что я должен прежде всего просто за-

думаться... Но со временем — был семьдесят шестой год, теперь ясно, что времени оставалось мало, — я получил через Виктора приглашение на собрание людей, представляющих сандинистский фронт, где мне было сделано предложение помочь фронту, впрочем, без особой опасности. Но я уже задумался, я устроил себе разговор с Виктором, и этот самый важный разговор в моей жизни решил мою судьбу. Помнится, мы говорили очень долго, я хотел знать многое, все...

Вот когда я должен был выбирать. Фронт связывал меня, и я уже не принадлежал семье: матери и братьям. Мне было восемнадцать лет или около того, и от меня могли потребовать действий, которыми — я думал только об этом! — я мог подвести братьев, которые остались неграмотны ради нашей семейной идеи, которая единственная поддерживала мою мать в изнуряющей жизни.

После того как я написал заявление во Фронт, моя жизнь не изменилась. Я продолжал учиться.

Я понимал, что мне необходима теоретическая политическая подготовка. Что я имел? Что я знал? Однажды я привел домой девушку, которая, как я объяснил матери, плохо успевала по математике. (Я же успевал по всем предметам, а математика шла особенно легко, у меня была «светлая голова», так считалось.) Мать приняла девушку как родную, она смотрела на нее с какой-то надеждой. Перед лампой мы раскрыли математические книги, и конспекты, и отпечатанные в университетской типографии листы и два дня сидели над этими конспектами и листами, оставив математические книги разогнутыми посередине. Мы выходили прогуляться и обсуждали то, что только что вошло в наши головы. Мы действительно были похожи на студентов, нахватывающихся знаний за два дня до экзамена. Но, честно говоря, я ничего не понял в большевизме.

Демонстрация, которая добралась до министерства образования, была мне понятнее, она дала выход нашим силам. Я узнал только, что есть некая большая страна, а в ней большевики — все. Снег. До семьдесят девятого года я так больше и не узнал, хотя старался читать и понять. Дело в том, что революцию нельзя изучать не практикуясь.

И в семьдесят девятом году,казалось бы в неподходящее время, когда я и мы все стреляли и становились ранеными и теряли своих, и отсиживались в горах, и считали патроны, и каждый проходил свой пороховой путь к Манагуа, и я сам должен был тоже стрелять и за всех считать потери, — я вдруг почувствовал Революцию как общую силу, и громкий голос ее запел во мне...

Пистолет тридцать второго калибра я носил с собой все эти месяцы, а автоматы мы получили только в последние дни. В моем отряде было восемь чело-

век. Все они остались живы. Все они были из Нагароте и были молоды, и теперь я знаю, что молодость в большом революционном долгу перед своим народом — она должна нести самую тяжелую ношу, она ответственна за продолжение революции после ее победы.

Фернандес Аладар погиб в первый день июля в десять утра. Он был ответственный за склад с оружием, он снабжал группы вооружением. Фернандес выехал на грузовике, чтобы пробраться из одной нашей части в другую, а на дороге его уже ждала гвардия, потому что Фернандеса выдал скотина предатель, и мы потом узнали, кто это был. И мы узнали, что, видимо, Фернандеса захватили врасплох, и он не успел спрятать свой пистолет, как это положено, в этом случае он мог бы остаться жив и выполнить задание, хотя ведь его предали. Фернандеса вытащили из грузовика, его изрешетили из автоматов. Мы пришли потом к дому предателя и окружили этот дом и решили бросить в него гранату, чтобы отомстить за нашего товарища Фернандеса Аладара, его изрешетили из автоматов, а у нас самих автоматы появились лишь в самые последние дни, я уже говорил об этом. Но мы услышали в доме детский голос...

Мы не могли простить Фернандесу, что он был так плохо вооружен, когда отправился в поездку. Все-таки он мог взять ружье. А что он мог сделать со своим пистолетом? Он не успел его даже вытащить... Это был тяжелый, из всех, которые я помню, самый тяжелый мой день, когда мы потеряли товарища и не могли отомстить, когда наши ружья плохо стреляли, и я, командир, яснее всех осознавал, что наши ружья слабы, когда я молчал, потому что никакие речи не могли передать нашу скорбь, а сам Фернандес, если бы он остался жив, сказал бы, послушав речь: «Лучше найти много патронов». — «А помнишь, — сказал бы я ему, — мы не плохо взяли ту аптеку, без всяких шума, без стрельбы, это надо уметь». — «Лучше найти еще больше патронов», — сказал бы Фернандес Аладар, потому что он был такой человек и таким для меня останется навсегда. Было глупо даже пытаться сравнивать наши силы — наши и гвардии. Но восьмого июля, через неделю после гибели ответственного за патроны, мы ворвались в Нагароте, спустившись с гор тем путем, которым я ходил на свидание с матерью, чтобы у нее набраться сил (она всегда смотрела мне вслед, а я не оглядывался, как и был должен, и в спину мне дул теплый крепкий ветер, как будто птицы снимались с места, это мать смотрела мне вслед и давала мне силу, которой я даже удивлялся), мы ворвались в Нагароте, потому что давно ждали этого дня и подошли к Нагароте давно, это был первый пункт на нашем пути к Манагуа, а до Манагуа было еще долгих сорок два километра, но самый тяжелый бой был первый, за Нагароте, в бою погиб ответственный за бои в районе Леона товарищ Фанор Курас.

И типография пришла с нами. Было отпечатано очередное «Сообщение», так назывались все наши листовки, отпечатанные в горах. А вот предатель все-таки сбежал, и теперь он в Майами, говорят. После Нагароте мы проходили свой путь легче, и бывало так, что населенный пункт, к которому мы приближались, покидали вооруженные лучше нас отряды гвардии Сомосы.

«Неграмотность, неграмотность», — повторял Виктор в редкие наши встречи, когда мы могли беседовать, как прежде, о том, что можно сделать для родины. Он на моих глазах снова превращался в моего учителя революции, взрослый человек в старой рубашке, с пистолетом и автоматом, которые мы получили в самые последние дни. Мы много говорили, и я помню, что спорили, в частности, о наркомании, которая досталась как зараза, и о неграмотности — об этом Виктор мог говорить часами, и о том, можно ли будет после революции привлекать к работе специалистов старого режима.

День победы был потрясающий, и в нем была незначительная доля моя. Мы стреляли в воздух, лозунги писали на стенах домов. Победа застала нас на пути к ней. Каким-то чудом все сразу узнали о ней, когда еще не заговорило радио победы.

На пути к нашей победе нами было взято пять населенных пунктов.

После победы я стал руководить кампанией по ликвидации неграмотности в Нагароте. Очередное «Сообщение» призывало всех жителей Нагароте научиться читать и писать ввиду острой необходимости.

Я сам стал ликвидировать свою неграмотность во многих политических вопросах. То, что сейчас я узнавал о большевиках и их победе, теперь казалось мне необходимо, но особенно я считал важными вопросы организации молодежи на борьбу за окончательную победу революции. «Революция не делается единомоментно, — думал я, — и каждый человек должен понять, что между победой революции в стране и победой революции в его сознании есть большая разница во времени. При этом, это очень важно, молодежь легче осваивает принципы революционного, сознательного участия в строительстве. Следовательно, молодежь должна не только работать больше всех, но и сознавать то, что преимущества, которые даются молодости, обязывают человека с большим пониманием относиться к другим людям. Поэтому, скажем, борьба с неграмотностью — это дело молодежи, потому что молодежи легче даются знания».

Я снова, как давным-давно, сталходить по домам Нагароте и разговаривать с людьми о том, как необходимы революции грамотные люди. Виктор был прав: едва прекращается стрельба, перед каждой революцией встают новые, очень сильные ее враги — неграмотность, болезни людей, пережитки, разруха.

Я думал о стране, о которой я лишь недавно знал, что она велика и что там есть снег, — я представлял себе ее огромные пространства и тех же врагов ее революции: неграмотность, болезни, разрухи...

Время опасное. Мы несколько раз имели столкновения с бандой, появившейся в районе Нагароте. Комитет по защите сандинистской революции охраняет Нагароте. Тем временем полтысячи человек научились читать.

Моя мать умерла через шесть дней после победы, ей было тридцать шесть лет. Она не болела долго, болезнь разгорелась в три дня, и она сгорела от того, что пережила, или от страха за детей. Страх слишком долго был у нее в сердце.

Я пришел в класс, где сидели люди, все старше меня. На доске я написал мелом.

— Прочти, — сказали мне люди, пришедшие учиться читать, мне, как молодому, повелительно.

Я прочел:

— Революция.

Они смотрели на доску.

— Скажите, что такое революция? — спросил я их, как учитель, и стал смотреть в их лица, которые знал с детства, в ту пору, когда лишь оглушительный крик птиц стоял в моих ушах и мать держала меня за руку. Я теперь лучше знал этих людей и читал их лица, а это труднее, чем научиться читать книги и листовки. Возможно, я ошибался, даже наверняка, потому что мне предстояло долгое чтение, и всякое новое знание будет открытием.

— Говорите, — сказал я им.

Встал один.

— Я слушаю тебя, — сказал я, — меня зовут Данило Падийя Конверрас, ты меня знаешь.

— Прочти еще раз слово, — попросил он, и я прочел по складам.

— Я родился, — сказал он, — ты понимаешь меня? Я родился, мне нужен воздух, вода. Все пока, больше ничего.

— Ты только так говоришь, — сказал я, поняв его, — знаешь, как много нужно для жизни?

— Говори, — сказал он. — Учи.

Записала С. ТИЩЕНКО

# XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

## МЕТАРЕРЕ КАТЖИУТВА:

...Придет время, и нам пона-  
добится комсомольский  
опыт мирного социалистиче-  
ского строительства.

Мы с вами, дорогие советские друзья, живем в разных концах Земли, в совсем непохожих условиях, но нас соединяет кровь, пролитая нашими народами в борьбе против общего врага. Мой отец погиб совсем молодым за месяц до моего рождения. Расист (или фашист, что на деле одно и то же), выпустивший в него пулю, вполне мог быть одним из тех, кто в 1941 году вломился с автоматом в ваш дом. На Юге Африки еще достаточно недобитых гитлеровцев, их самая большая колония расположена в моей родной Намибии. Расисты Южно-Африканской Республики — наш общий враг. Дай им волю и возможность, они залили бы кровью не только Намибию, которую оккупируют, не обращая внимания на протесты народов и ООН.

Мне легко представить чувства тех советских людей, которые потеряли отцов во время Великой Отечественной войны. Принимая комсомольский билет, они, наверное, думали об отцах, которых не успели запомнить или не успели увидеть. У них самих сейчас дети, а то и внуки, с которыми дружим мы, молодые бойцы и пионеры Народной организации Юго-Западной Африки<sup>1</sup>. Коммунисты и комсомольцы Советского Союза отстояли свободу, завоевали мир для своих детей и внуков и берегут этот мир как зеницу ока. Мы воюем за нашу свободу и мир.

Я родился 5 мая 1960 года. Нас было трое — папа, мама и я. У других были

<sup>1</sup> Сокращенно СВАПО — создана в 1958 году. Ведет вооруженную борьбу против южноафриканских колонизаторов. Запрещена властями ЮАР. — Здесь и далее примеч. ред.

братья и сестры. Я рос один. И почему-то в доме папы. А мама жила по соседству. Это было непонятно, но я привык. Я любил и папу и маму. Папа работал в руднике и подолгу не бывал дома. Тогда я жил у мамы. Она работала медсестрой в больнице Виндхука, главного города Намибии.

Время шло, я стал большой. Наступило утро самого важного праздника в жизни семилетнего человека. Сейчас мама войдет, а на протянутых руках — новехонькая школьная форма, ранец, книжки, тетрадки... Мама вошла с опущенными руками и смотрела мимо меня. Потом подняла руки, закрыла ими лицо и заплакала. «Потерпи, сынок. Ты пойдешь в школу на следующий год. Может быть...» Сейчас точно не помню ее слов. Не помню, что кричал я, когда недоумение сменилось обидой и гневом. «Папа же обещал!» — «Папа не обещал, сынок. — И она вынула из фартука фотографию. — Вот твой папа. Его убили, когда ты еще был здесь». Мама приложила руку к фартуку.

Оказывается, все эти годы я считал своим отцом брата отца. Он был добрым человеком. Но у него появилась своя семья, и надо же было когда-нибудь сказать мне правду. Теперь я был большой, теперь было можно. Мой настоящий отец был священником. Вот почему лютеранская церковь взяла на себя заботу обо мне и на следующий год определила меня в школу. Потеряв год, я учился с особенной жадностью. Наверное, мои церковные попечители взяли это на заметку. Когда я закончил начальную школу — предел мечтаний для намибийского мальчика, так называемый «стандартный уровень образования», они меня спросили, хочу ли я учиться дальше. Так я попал в южноафриканский город Иоганнесбург, точнее в его город-спутник для африканцев Соузто. Мне представилась редкая возможность учиться дальше. Но учеба оборвалась на девятом классе.

16 июня 1976 года школьники и студенты Соузто от мала до велика вышли на демонстрацию. Я как сейчас помню тот страшный день. Поводом, или, вернее, последней каплей, переполнившей наше терпение, послужило издание закона о переводе преподавания на язык африкаанс — язык угнетателей. Этот закон был воспринят молодежью как еще одна оскорбительная пощечина со стороны расистского режима, как попытка подчинить системе апартеида умы африканцев. Но важна не эмоциональная сторона. Во-первых, переход на африкаанс — хитроумный маневр, чтобы отбить охоту у какой-то части детей к учебе и максимально осложнить ее для остальных. Африкаанс ведь очень трудный язык. А во-вторых, с кем ты будешь объясняться на африкаанс, едва покинешь территорию ЮАР? Таким образом, это еще и барьер для контактов черной молодежи с внешним миром. Все мы сразу поняли смысл нового закона, опасность, которую он таит в себе для будущего африканцев.

По призыву Совета представителей



Метарере КАТЖИУТВА,  
член руководства  
Молодежной лиги  
СВАПО [Намибия]

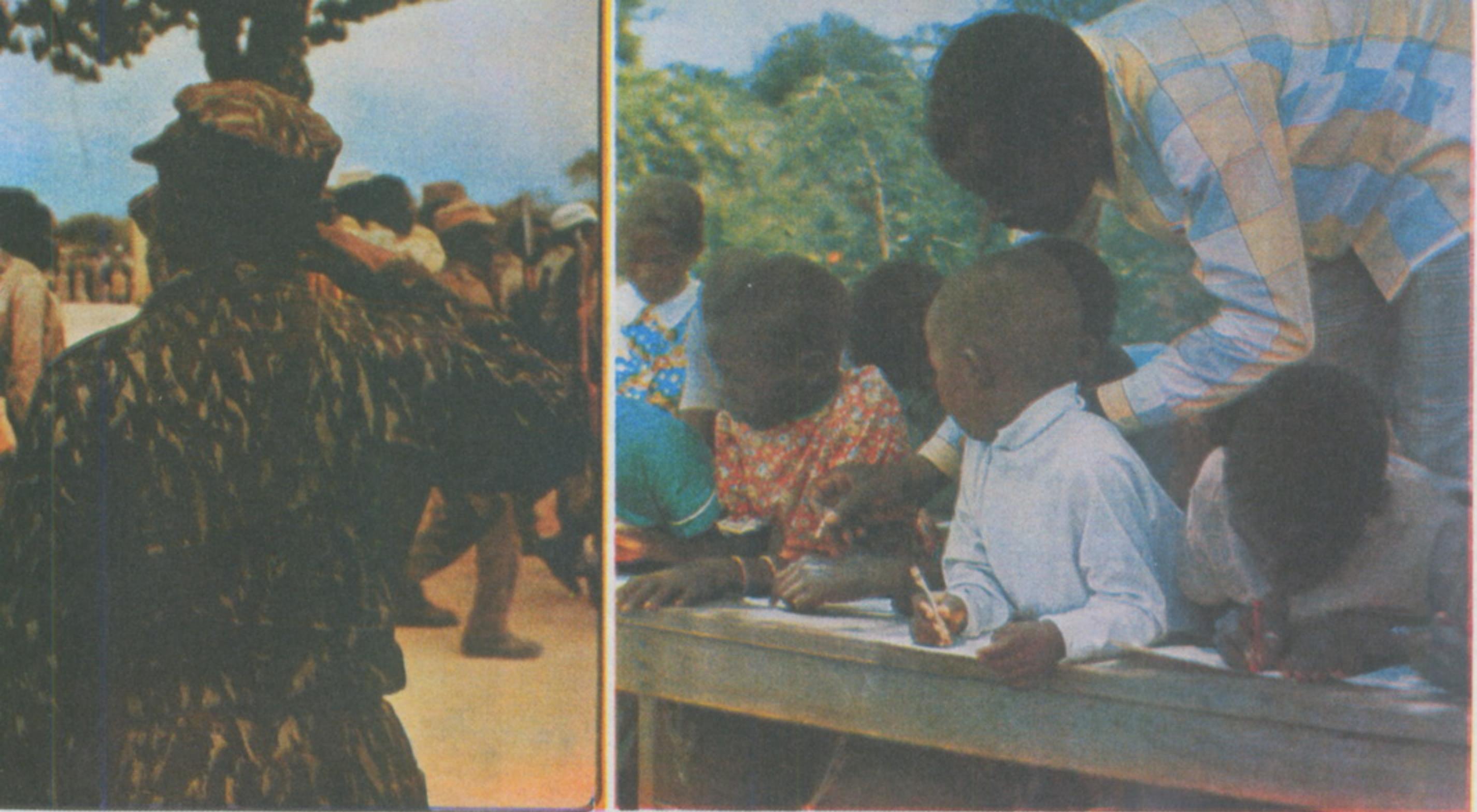
учащихся Соузто утром 16 июня группа демонстрантов собралась у одной школы и с песнями двинулась по улицам. Маршрут был длинный, километров двадцать. Мы шли мимо школ (а был учебный день, среда), и колонна разрасталась. Конечно, за несколько часов полиция успела подготовиться к встрече. О пункте назначения, площади перед средней школой Западного Орандо (района в Соузто), власти известил ее директор.

По площади прогремел приказ немедленно разойтись по своим школам. «Даем три минуты. Потом будем стрелять!» Верили мы, что это не пустая угроза, что эти три минуты для кого-то из нас могут оказаться роковыми? Мы знали, что стоим лицом к лицу с настоящим зверем в полицейской форме, готовым на любую подлость. И все-таки стрелять в семи-восьмилетних?.. А их много было в толпе. Они стояли и в первом ряду, пели и скандировали лозунги вместе со старшими товарищами.

...Первая же пуля сразила наповал восьмилетнего мальчика, Гектора Питтерсена. И тут площадь закипела. Демонстранты не бросились бежать. В убийц полетели камни. Свистели пули, вскрикивали раненые. В толпу полетели гранаты со слезоточивым газом...

Демонстрация начиналась мирно, кровопролития не ждали. Но у расистов были, видно, свои соображения. Их устраивала именно кровавая баня.

Для меня такой исход не был неожиданностью. От мамы я узнал, что папа погиб тоже во время сугубо мирной де-



## ИСПЫТАНИЕ ВОЛИ

монстрации. Он знал, что может погибнуть, и все же пошел. Та история началась в 1959 году, когда оккупанты издали дискриминационное постановление, обязывавшее всех африканских жителей Виндхука покинуть дома и перебраться в выделенное для них гетто. На африканские кварталы двинулись бульдозеры. Расисты крушили дома, не обращая внимания на плач женщин и детей.

10 декабря бездомные матери с детьми и старики пошли к муниципалитету вручать письменный протест. Полиция — она уже была на месте — не стала церемониться, тратить время на предупреждения. Просто начала поливать толпу свинцом. Без сантиментов, хладнокровно. Расисты вели себя как подобает расистам. И нацистам. Приказ стрелять был заготовлен еще до демонстрации. Было убито на месте одиннадцать человек, пятьдесят семь человек получили тяжелые ранения, сколько из них выжило, не знаю.

Священник Сагеус Джомбе, мой отец, был вместе с народом. В тот раз пуля его не взяла. Волнения не утихали и в следующем году. Отец вместе с другими руководителями демонстраций старался не провоцировать полицию на применение силы. Та апрельская демонстрация, которая стала для него последней, тоже протекала мирно. Тогда родилось название нового гетто: Катутура. На одном из северных языков Намибии это означает: «У нас нет крыши над головой». Собравшиеся на митинг пели молитву, в которой были та-

кие слова: «Боже, помоги нам в стране, где ты нас поселил, ибо у нас нет крыши над головой». А после молитвы засвищели пули... Месяц спустя молодая женщина Сесилия Катжуутва родила мальчика. У нее долго не хватало духу сказать сыну, что его настоящий отец убит полицейской пулей.

Вернемся в Соузто. Продолжать там учебу я не мог. Мы бойкотировали занятия, отказываясь учить африкаанс. Полиция хватала «зачинщиков», искала активистов Молодежной секции Африканского национального конгресса<sup>1</sup>. Я не стал испытывать судьбу и вернулся на родину. Как оказалось, для того, чтобы угодить в лапы полиции.

Когда Намибию облетело известие о побоище в Соузто, учащиеся устроили демонстрацию и митинг солидарности. Полиция считала таких, как я, только что вернувшихся из ЮАР, особо опасными элементами, разносчиками «красной заразы Соузто». Повсюду шныряли шпики. Устроители демонстрации хотели сохранить дату и место в тайне от властей, куда там... Полиция выждала, пока откроется митинг, и тогда ворвалась в зал и арестовала весь президиум, а также тех, кто вернулся из ЮАР.

<sup>1</sup> Сокращенно АНК. Массовая политическая организация африканского народа ЮАР. Основана в 1912 году, запрещена в 1960-м. Выступает за ликвидацию системы апартеида и создание многорасового демократического государства.

В Намибии и ЮАР человека могут бросить за решетку или в концлагерь без суда и следствия на девяносто дней. Это называется «полицейской изоляцией». Меня взяли на том митинге и подвергли «изоляции». Я был помещен в концлагерь для политзаключенных на юге Намибии, около города Стамбриджа. Мне не хочется вспоминать о времени, проведенном в этом кошмаре. Но жалею ли, что так вышло? Нет. Я прошел испытание воли и характера, как и многие мои товарищи. Перенес и побои и пытки. Висел вниз головой, и белые юнцы, почти дети, члены «брюдербонда» — «братьства», южноафриканского близнеца ку-клукс-клана — дубасили меня, как боксерскую грушу. «Брюдербондовцы» обучаются садистским пыткам. «Практику» проходят в концлагерях и тюрьмах. Этих головорезов охотно нанимают надсмотрщиками хозяева рудников и заводов. Их особенно много в армии и полиции. Пыточное ремесло им преподают профессионалы из бывших эсэсовцев и инструкторы, присыпаемые ку-клукс-кланом.

Изуверы Стамбриджа по части фантазии превзошли самих себя. В городе есть школа для умственно неполноценных белых детей. Так вот из них тоже делают палачей. Учат, как пытать электротоком, как избить заключенного. Официально считается, что подопечные этой школы проходят «оздоровительный курс лечения». Могу, сославшись на собственный опыт, подтвердить, что это особенно гадко, страшно, унизи- на стр. 23 ►

# XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

**ЖУЗЕ СЕРРА:**  
**Для нас комсомол был первой в нашей жизни революционной молодежной организацией.**

Жузе включил магнитофон, и лента поползла с маленькой катушки на большую. Маленькую Жузе принес с собой. Лента на ней была толще обычновенной. Сначала ничего не было слышно.

— Я мог перепутать, — сказал Жузе. — Тогда будут комсомольские песни, как на первой. Давно слушал.

— Очень давно?

— Не очень, — сказал Жузе. — Семь лет назад. Когда мы уезжали... Жаль, если перепутал.

Лента все сматывалась пустая, как вдруг включился звук. И далекий, давний голос произнес несколько слов по-португальски. Говорила женщина, ее голос был глухим. Жузе остановил пленку и прокрутил сначала. «Дорогие дети...»

— Это письмо, — сказал Жузе. — Я хотел митинг, но это письмо. Это почти одно и то же. Помнишь, я говорил, как мы слушали запись митинга? Это все, что у нас было. Запись митинга в Лиссабоне и письмо Луису и Сесилии, еще лента для Кати — письмо от отца из тюрьмы. Иногда так казалось: это все, что у нас есть. Слушай.

«Дорогие дети, Сесилия и Луис. С вами говорят мама и папа. Пока вы слышите только наш голос. Когда-нибудь мы увидимся. Надо на это надеяться. Но не надо думать об этом постоянно, чтобы не грустить и не забывать о других важных вещах. Давайте просто поговорим о том о сем. Вы уже так давно не слышали нас — узнали ли теперь, узнали ли голос вашей мамы, дети? Сесиль, а помнишь ли ты такой случай, как ты убежала от своей крестной и как мы все тебя долго искали, а ты была у бабушки. Ты должна помнить тот случай, он такой смешной. Еще помнишь ли ты нашу землю, ту прекрасную землю, на которой ты родилась?»

Пожалуйста, вспомни дом и всех нас. У нас с тобой было такое время, когда мы жили среди чужих людей, которые были слишком любопытны и задавали тебе много вопросов, но ты оказалась молодчиной и ничего им не говорила. И вот однажды мы стояли с тобой у окна и смотрели на детей, которые играли внизу. Я не могла бы тебе объяснить, почему ты не можешь играть вместе с ними. Помнишь? Это был такой грустный для нас с тобой день.

Здравствуйте, дети, говорит ваш отец. Надеюсь, Сесилия, ты уже научилась плавать — ну, хотя бы так же смело, как гвоздь? Хорошо ли прошли каникулы, набрались ли вы сил для нового учебного года? У нас все хорошо, все здоровы. Мы знаем, что вы оба находитесь в хороших руках, и это придает нам с мамой много сил. Дети, вы должны понимать, почему мы сейчас не можем быть вместе. Наша родина несвободна. Когда борьба, ради которой наши товарищи жертвуют всем, закончится победой, мы встретимся. А может быть, встретимся раньше. Расти скорее. Расти скорее, Луис! Я помню одно Первое мая, когда еще мы были вместе, и ты, маленькая Сесилия, подарила рабочим большой букет красных маков, перевязанных алой лентой. Мы тогда уже верили, что наши дети вырастут революционерами. Помните смерть товарища Мануэля да Сильвы, который погиб от того, что перенес в тюремных застенках! Помните нашу землю. Вы должны знать: все, что вы делаете и чему учат вас люди, заменившие нас с мамой, — это ваша помощь родине, это ваша революционная работа. Ваша счастливая сейчас жизнь — это очень важно, вы это сможете понять, когда вернетесь. Прощайте.

...Прощайте, мы оба обнимаем вас и просим обнять всех товарищей и всех людей, которые окружают вас добром. Мы поем вам песню, чтобы вы тоже научились ее петь и не забыли язык родины».

— И знаешь, — сказал Жузе, а лента шла с песней о храброй Катарине, — как мы торопились расти! Вырасти — и улететь туда...

За шесть моих первых лет мы жили в семи квартирах. Пять лет я был самым глубоким подпольщиком в семье: меня не регистрировали как родившегося младенца, чтобы не обнаружить настоящих имен моих родителей. В пять лет я официально получил имя, совпадающее с тогдашним подпольным именем моего отца: Жузе. Долгое время я считал, что мой отец инженер, по долгу службы часто бывающий в разъездах.

В тот год в один из вечеров — мы привычно коротали его без отца — во двор неожиданно въехал черный «фольксваген», и в ночь мы уже сидели в нем с самыми необходимыми вещами, которых у нас было так немного, а отец спешно заводил мотор этого черного «фольксвагена». К этому я тоже при-



Жузе СЕРРА,  
член Союза коммунистической  
молодежи Португалии

вык: так мы обычно уезжали. А потом мы еще жили в Порту... Еще жили в маленьком рыбакском поселке. Сопливых детей поселка я помню хорошо, потому что сам был таким же, помню и божницу в доме, где мы жили. Когда я снова увидел этот дом, где раньше у хозяйки было шестеро детей, а теперь двенадцать, и вошел в этот дом, мне показалось, что времена не изменились, и будто только для меня они рванули на несколько лет так, словно я улетал на другую планету и вернулся в естником... Ощущение прошло, но знание мое укрепилось. Я видел предстоящий путь. Я знал, что страшное прошлое, теснящее мой народ назад, страшно еще и тем, что народ может не понимать, не видеть этого. Ну, это большой разговор.



# ВЕСТНИКИ

— Жузе, ну-ка иди поиграй — так говорили они мне, мои родители Жайме и Лаура. И я начал догадываться. Я считал, что мои родители необыкновенные люди. Так оно и было, но, правду говоря, для них самих в эти годы необыкновенно было лишь то, что отец не сидел в тюрьме. А прежде он трижды бежал из тюрем: из крепости «Пениш» и из «Кашияш», последний раз в шестидесятом году с десятью товарищами, это известная история: один из них был Алваро Куньял. Я родился в шестьдесят первом, есть о чем подумать, я хочу сказать — я ведь мог и не родиться, да?

— Я вас не выдам! — обещал я родителям, когда они гнали меня за дверь и мама садилась за пишущую машинку. Они смеялись. Пора было

мне начинать учиться, но где? Вскоре было решено меня отправить.

Так я попал в город Иваново, в интердом.

И если бы этого не было, я бы был совсем другой. Уж точно не сидел бы здесь, не слушал бы эту магнитофонную запись, драгоценную часть нашего интердомовского имущества. Часть нашей той жизни. Вот вчера получил письмо от Альберта, а в нем: «Написал Луису». Мы вместе. Держимся. А кто вел нас все эти годы и благодаря кому я такой, какой я есть, и Альберт, и Луис, кто вел нас все эти годы проводником? — многих я забыл и не встретился потом. Но знаю: они были. Иначе не было бы нас.

...Сначала мы шли через кукурузное поле. (Как мне хочется проследить

Так весной 1974 года в Португалии отмечали падение фашистской диктатуры.

весь путь, до самого последнего барабанного удара, все звуки и голоса включить!) Было несколько мест на границе, известных немногим, — такие «лазы» через границу. В один из таких лазов просовывали меня с Альбертом: кукурузное поле, плот, ночь — хлюпание воды в кромешной ночи, кукурузные острые листья. Я провалился одной ногой в воду. С испанской стороны приграничный двухэтажный дом. Свиньи на первом этаже. Я сплю на лавке. Я заснул бы прямо на полу и прямо на кукурузном поле. Но нас встречают молчаливые люди и ведут спать. «С вами дети? Им пора спать».

Наш сопровождающий — долговязый, худой и веселый. Он едва ли не беспечен.

Когда я вернулся (вся моя жизнь пока состоит из «шесть плюс семь»: шесть лет в интердоме — дорога туда, а семь лет по возвращении — возвращение), мне пришлось разговаривать с одним товарищем по партии. Как вдруг слышу: ба, да вот тот, кто тебя провожал! И я вижу: действительно долговязый и худой, но совсем не беспечный и не очень веселый человек, и я силюсь вспомнить... Мы пожали друг другу руки, и тогда он сказал, что я принес ему много хлопот лет восемь назад и что он все время думал, что я вот-вот начну плакать и проситься к маме, шестилетний и несмышленый, «и что же прикажешь тогда с тобой делать под хлюпание этой чертовски холодной воды, кроме того, ты провалился в воду и чудом не хныкал, дитя, протаскиваемое через границу как секретный пакет».

— Рассказывай, — сказал он мне так просто, будто спросил, какие новости.

В Париже были белые мыши, в Праге часы с апостолами, а в Москве был Дворец пионеров!

Дворец! Пионеров!

Очень скоро мы с Альбертом превратились в обычных пионеров, но в первый день я был еще тот Жузе, дитя, протаскиваемое через границу как секретный пакет.

Я задрал голову и увидел ракету. И женщина удивительной, вдохновенной красоты повела меня по этому дворцу. Ракета летает. Женщина говорит. Она идет легко, а я волочусь за ней, оглядываюсь. Держусь за руку. И конечно, Альберт.

— Как вас зовут, ребята?

Мы оглядываемся. «Можно», — кивают нам.

— Жузе, Альберт, — говорит она звонко. — А я Мария Михайловна.

Я ведь не вспомнил того, первого, провожатого, не сразу вспомнил я его, только потом восстановил в памяти весь его прежний облик, облик этого сеньора, веселого человека, не совпадающий с действительным, будто тогда он был с одним именем, а теперь оказалось, что то было второе, подпольное. Свой-

ство памяти — запоминать по-своему. И так же эта светлая женщина в ослепительном дворце: я твердо помню, что мы свободно разговаривали и что в простых словах она объяснила мне, что этот дворец — мой, и я отвечал: да, — но на каком языке? Она не знала португальского, я потом это у нее спросил через много лет, когда мы случайно увиделись.

Как?

— Как? — засмеялась она.— А как детей матери понимают?

Мы прыгнули с подножки тамбура, и с поезда Москва — Иваново я попал прямо в крепкие руки... Марии-Арманды, моей сестры, учительницы португальского языка в интердоме. И Мария-Арманда потащила меня к тем людям, с которыми я прожил половину времени «шесть и семь», как говорится, половину сознательной жизни. Нас с Альбертом посадили на несколько карантинных дней в «изоляцию», а второго августа был мой день рождения, и Мария-Арманда приехала в пионерский лагерь как представитель родителей и родины, стремясь относиться ко мне как к остальным. Через месяц я разговаривал по-русски, и мы с Альбертом, моим лучшим другом, стали разговаривать по-русски между собой. А потом прошли шесть лет, и, если вы спросите, что в них было необычного, я испытываю большое затруднение. Что было необычного в детстве, например, у вас? А я готов поклясться, что наше время было лучшим временем в жизни интердома, и я всегда так думаю, если вспоминаю, а еще я представляю себе, как я снова прохожу по его коридорам, и кажусь ему чужим, и от этого мне становится несколько грустно.

Когда по возвращении я сел за какую-то куцую однокомнатную парту в лиссабонском лицее и учитель, спрашивавший всех, откуда они, узнал, я — откуда, и выкатил глаза:

— Из РОССИИ?

...Тогда-то я понял по-настоящему, откуда я.

(— А вы, Серра?

— Я приехал из СССР.

— Из России?)

И я посмотрел на него со своей парты-одиночки и увидел его нас kvозь, у меня появилась такая способность. Я видел, как в течение многих лет он будто бы стремился всей душой к добру и прогрессу. «Но то, о чем вы меня просите, это не в моих силах». Бывал ли он когда-либо перед необходимостью выбора? Он, потрясенный, протирает очки платочком. «Это новость».

— Останьтесь,— сказал он мне в конце урока, и я остался сидеть за своей одиночкой. Все в классе — одиночки, и я сразу вспомнил наш светлый класс, наш дружный интердомовский класс, но это не главное, что я вспомнил, потому что главное было не то, что парты-одиночки, а то, что впереди сосед — фашист, и я на с вспомнил и то, что мне придется здесь искать своих

(их потом набралось четверо во всем классе, такой был лицей). Я остался сидеть, а он подошел сам и сел на парту фашиста, с которым мы потом столкнулись по обе стороны старого лицейского забора.

— Рассказывай,— сказал он мне, будто я ему вез важные новости.— Все, что ты там видел, пожалуйста, мальчик из России.

— Лучше вы спросите, что вам интересно.

Родина была так далека, что однажды летом я получил поздравление с Новым годом. «Наш дорогой сын...» Начиналось лето — кончалось списывание букв на уроках русского и страшные диктанты, но интердом пустел, и это было хуже диктантов, хуже кипяченого молока, к которому я потом привык, а привыкнуть к пустеющему интердому не мог. Никто из наших не мог. Нас опять отправляли в пионерский лагерь, но я всегда помнил опустевший интердом.

Я научился плавать по-собачьи! («Алло! Я научился плавать по-собачьи.») Когда наш отряд дежурил по кухне, мы наедались до отвала, а потом бежали плавать, хотя это и было запрещено, и, конечно, не было для нас призыва о тихом часе.

На один из уроков Анна Тимофеевна, это она приучила меня к кипяченому молоку — не знаю как, но оно вдруг перестало вызывать у меня отвращение,— принесла книгу Наума Мара «Люди как скалы». Она стала читать один из очерков, помещенных в книге.

— Встань, Жузе,— сказала она.

Я встал.

— Это написано о твоем отце,— сказала она.

«У тебя все в порядке».

«У тебя все в порядке».

«У тебя — послушай, у тебя не все в порядке. Отец арестован».

Так мы жили от вести к вести.

Я готов был рассказывать, я знал, что рассказывать мне придется часто, и первый непространный очерк я преподнес ему, лицейскому математику, который надел очки и смотрел на меня не просто, а всматриваясь.

Луис забыл португальский за месяц. Потом научился снова. Когда он с Сесилией получил письмо на магнитофонной ленте, рядом села Мария-Арманда: Луис не все понимал. Одновременно товарищи из партии передали нам пленку с записью большого митинга в Лиссабоне. Этот митинг был разогнан полицией, этого, конечно, на пленке не было. Запись была сделана для нас специально, мы это понимали: товарищи из партии очень заботились о нас.

Мы собирались слушать эту запись как на митинг. Но мы собирались, и рядом садилась моя сестра как переводчик, включали магнитофон — и начинали чувствовать себя «болельщиками рево-

люции». Это было ужасно. Первого мая в Иванове, когда нас не включили в список идущих на демонстрацию, мы пробирались на нее «подпольно», чего лучше не рассказывать учителям и директору.

— В то время когда там, в Португалии, наши товарищи за участие в демонстрации подвергаются аресту!..

И мы бежали своими ходами и лазами: Иваново мы знали.

«Аванте!» к нам приходила на тоненькой папиронской бумаге. Маленькая газета. Газета приходила с перебоями, иногда всего один экземпляр. Но она к нам шла, пробиралась, наша «Аванте!». Пришли все номера, кроме номера 464 за апрель семьдесят четвертого. Вместо него пришел другой. Пришла другая «Аванте!» — большая, праздничная, легальная, с фотографией моего отца, открытая газета! И нам казалось, что ее будет трудно сгибать — такие толстые листы...

Заголовки статей номера 464: «Не давать покоя фашизму», «Опять пытки», «Объединить в антифашистской борьбе патриотов вооруженных сил». Последний номер перед революцией. Последнее лето, последний пионерлагерь.

Но ведь их было целых шесть...

Шесть лет подряд рядом, в одном доме: Альберт, Лена, Жузе Силва и Жузе Сарайва и Изабель, Сесилия, Сержий, Катя, Гелена, Луис. Рядом со мной. (Это только из Португалии ребята.) Жузе Силва — брат Изабель. Сесилия — сестрица Луиса, Лена — сестра Альберта. Мы ничего не знали о прошлом друг друга. Не спрашивали.

Я был на уроке математики, когда меня вызвали, и я увидел в коридоре мою сестру и какого-то дядьку, который спросил меня, знаю ли я его.

Я стал гадать разные имена. Не вспомнил. Потом думал, почему не узнал? Усы! Он сбрил усы, а я помнил их. Это был мой отец, «борец львиной отваги», как назвал его писатель Наум Мар. Это было в семьдесят втором году.

И — в семьдесят четвертом:

— Эй, Жузе, в Португалии революция!

— Да пошел ты! Нашел чем шутить.

— Честно. Стой. Это правда. Уже объявили. Тебя не было.

Мы с Альбертом сменили режим. Утром после зарядки и умывания мы в трусах бежали в библиотеку, к газетам. Снова слушали запись митинга, как урок устного португальского.

А когда уезжали, ударили наши барабаны.

Они барабанили: «МЫ ЧЕСТНО ПРОЖИЛИ ВСЕ ЭТИ ГОДЫ. МЫ ПОМНИМ НАШИ ФЛАГИ. ПРОЩАЙ».

(...Я представляю себе, как я осторожно вхожу в интердом, как иду по коридору во время уроков и наклоняюсь и слушаю диктант. Я вижу, как на встречу мне идет человек и спрашивает: почему посторонний, и он строго заводит меня в кабинет. От этого мне становится так грустно.)

## ПРОЩАЙ. ПОРА.

Так отбарабанили наши красные с тусклой медью по краю, с потертными ремнями, со своими голосами строевые барабаны, и Мария-Арманда, она же Мануэлла, легонько подтолкнула меня в тамбур (а у подножки стояла проводница и глядела в другую сторону) и вскочила сама, и директор еще раз махнул рукой и не сказал: «Ой, что-то мне так и кажется, Мануэлла, что не привезете вы их домой после каникул. То есть какое домой. К нам. Простите. Прощайте, дорогая Мануэлла».

Он был строгий директор и не сказал, хотя и очень хотел.

И я зажмурился от яркого света и так долго стоял, пока кто-то за спиной не произнес по-португальски:

— Что же мы стоим. Прилетели. Помни. Нас ждут. Вот сколько народу. Как героев. Дома.

А как все это уложить в систему, сидя за партой в старорежимной школе (и нет своих)? Я честно скажу, что вернулся на родину революционером. Это правда. Это я могу сказать о себе. Но когда я думаю, что меня воспитало, что именно — я начинаю вспоминать все подряд. Вплоть до барабанов.

Я не был комсомольцем в интердоме. Не успел вступить. Не хватило года. Я занимался пионерскими делами и участвовал в стенгазете, но я, например, очень хорошо помню отношение к комсомольской работе в интердоме — отношение к комсомолу. Для нас — я говорю обо всех, о себе тоже, потому что то, что мне не хватило года до положенного срока, не значит, что я не был готов или не думал об этом, — для нас комсомол была ПЕРВАЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ. Все слова важны. Первая. Революционная. Например, Сесилия долго не вступала. Она считала, что пока не имеет МОРАЛЬНОГО ПРАВА. Видела в себе какие-то недостатки. Она хотела их сначала искоренить. Вот такая девочка была Сесиль. И она правильно себе представляла свое участие в комсомоле. Комсомол давал ей и остальным ребятам интердома из разных стран возможность.

Возможность при-

со стр. 19 ▼  
тельно, когда тобой радостно «занимается» такой вот робот. Начальство Стамбриджа знает толк в своем деле...

По прошествии девяноста дней меня выпустили, и я тут же перебрался через границу в соседнюю Ботсвану. Принявшие меня товарищи из СВАПО организовали мой переезд в Либерию. Там я закончил среднюю школу и поступил на медицинский факультет университета в Монровии. И опять учеба прервалась. В 1980 году в Либерии произошел государственный переворот, обстановка в стране была сложной, и мне пришлось уехать.

Намибийские и южноафриканские юноши и девушки, знакомясь с герои-

нять участие в общем деле. И Сесилия, считавшая, что она революционерка, должна была эту возможность использовать так полно, как советовали ей ее родители использовать все возможности, даваемые ей в интердоме, в СССР.

Тут главное — чувство организации. Чувство, что ты занят частью работы, которая организована, подчинена общему, партийной работе. Для нас, интердомовцев, это была школа участия. Школа подчиненности делу дисциплины и образования. Может быть, Сесиль слишком накрутила с самоусовершенствованием, но она ведь подала заявление, когда решила, что наконец достойна. Хорошо, что ее правильно поняли.

(...Хочу, чтобы так было всегда — с первого до самого последнего барабанного удара.)

— Здравствуй, я твоя сестра Ана. Мари-Арманда смеется. «Ну же, познакомься с сестрой!»

Когда нас встречали и товарищ Алваро Куньял приветствовал нас, мне вдруг показалось, что нас принимают не за тех, кто мы есть. Мы, интердомовские дети, были героями, а должно было быть все наоборот.

«Встречая детей наших товарищ, которым в трудные годы домом стала другая страна, мы сейчас благодарим эту страну, благодарим ее добрых и мужественных людей...»

Я все понял. Я был посланник! Я был оттуда. Торжественная встреча — не мне лично, не побледневшей Сесиль, Луси, Изабель, двум Жузе, Лене, Гелене, Альберту, нет, не нам лично эти улыбки и цветы. Они — победе, солидарности и братству.

Я вошел в старый-престарый лицей, переименованный в школу, и знал уже, что стану его лучшим учеником, посланник. Я обвел взглядом класс. Ужасные детишки. Я видел по лицам, чьи они дети. Потом узнал их лучше. Их страсть к мотоциклам. Размахивание мотоциклистами касками. Политические взгляды, если коротко — фашизм. Потом мы

ческой историей вашей организации, невольно примеряют ее к себе. Пусть нас пока больше интересуют и влекут факты из военного прошлого комсомола, подвиги советской молодежи на фронтах гражданской и Отечественной войн. Это понятно, мы сами пока воюем. Но придет время, и нам понадобится комсомольский опыт мирного социалистического строительства. А мы несколько не сомневаемся, что оно придет. Как говорит президент СВАПО товарищ Сэм Нуйома, «мы готовы переплыть через реки крови и преодолеть горы лишений, но добьемся нашей цели — национальной независимости, прогресса и справедливости для всех».

Ваш пример укрепляет нашу веру в

встретились — и очень скоро — по обе стороны старого лицейского забора из железных прутьев с острыми наконечниками. На них были каски от мотоциклистов. Они размахивали палками. Они шли на наш митинг — нас было около сотни из пятитысячного лицея. Они размахивали палками!

...Нас уже лупили, когда я вдруг увидел, что наши враги отважно убегают. Пришла помощь из техникума — две сотни. Мы рванулись вслед убегавшим, которые пытались запереться в ветеринарном институте, мы ворвались в институт, силы были примерно равны, и тут началось такое побоище!..

Лицей закрыли на две недели. Через две недели моя рука все еще не прошла (не помню, кто мне ее старался выкрутить), и наш математик хмыкнул, увидев меня. Я тоже усмехнулся. «Это вы, кажется, из России?» — это он хотел сказать мне?

— Конечно, я, — сказал бы я тогда, — и я готов продолжить мой рассказ вам о ней. Я вижу, как мало вы знаете, и готов побеседовать с вами снова.

Он вызвал меня к доске. У меня всегда хорошо шла математика. То есть я хочу сказать, что у нас-то другая подготовка.

Так началась моя жизнь — моя политическая жизнь, хочу я уточнить. Хотя это одно и то же. Начались другие семь лет, в течение которых я часто чувствовал поддержку первых шести лет. Как будто в разгар работы я видел низко наклонившуюся ветвь, и яблоки катились по пыли и докатывались до водопроводной колонки, и Альберт беззвучно закатывался, жуя яблоко, и запускал в меня огрызком, и обкусанное яблоко летело в меня двумя сцепленными парашютами и улетало в небо, а мы вдвоем смотрели и ждали возвращения. Я знал, что это никогда не вернется: детство, то удивительное чувство, когда мы, интердом, были вместе, и наши флаги, и наши праздники, и наши беды, и любовь к нам многих людей, чьи имена мы порой забываем, и директор, неловко машущий, и прыжок Мануэллы с перрона на подножку... Как то кукурузное поле, через которое меня вел мой первый провожатый.

Записала Н. ЧУГУНОВА

успех общего дела. Ведь, читая о подвигах комсомольцев, соглашаешься: «Да, только так и надо было действовать. А наши бы ребята в таких условиях не оплошили?» И думаешь: «Нет. Судя по тому, как они сражаются здесь, в Намибии, не оплошили бы». А раз так, то и мы добьемся победы. Мы держим курс на те же ориентиры.

Мы чувствуем вашу дружескую руку. Мы знаем, что вы хорошо понимаете наши нужды и мечты.

Интересно, заметили ли комсомольцы старших поколений в моем рассказе что-то знакомое им по собственной молодости: все время что-то мешает дочиться. А учиться так хочется...

Записал Б. КЛИМАНОВ

# XIX СЪЕЗД ВЛКСМ

## КАРЛОС ДЕЛИНЬО:

Мне чудилось, что в наших зажигательных, зовущих к борьбе представлениях было что-то от Пролеткульта времен Маяковского, которым я тогда зачитывался, от первого поколения комсомольцев.

## АНТОНИО ПАРАГУА:

Комсомол шефствует над пионерией. Вот и я буду для своих детей пионервожатым. Я хочу, чтобы они выросли борцами за переустройство общества на началах братства, равенства и справедливости.

**Карлос:** Маяковскому хотелось, «задрав штаны, бежать за комсомолом». Маяковский — мой любимый поэт. За каким таким «комсомолом» поспешал мой любимый поэт? Знак вопроса, который я машинально поставил против этой строчки, долго оставался незачеркнутым...

**Антонио:** Я из бедной крестьянской семьи. Помогал крестьянам и батракам создать свою организацию, когда знающие люди рассказали мне о комбедах, созданных по декрету Ленина в 1918 году. Враг у комбедов был кулак, у нас — помещик. Но суть одна: самозащита бедноты, батраков. Я узнал о коммунистическом субботнике и о комсомоле. Комбед, комсомол, коммунистический субботник... Хотелось узнать, почтить побольше, что за этим стоит. Только где взять время, как вырваться в город?..

По просьбе авторов редакция воспользовалась вымышленными именами.

### Карлос о себе и о других

Вся моя жизнь была запрограммирована еще до того, как я появился на свет (а это случилось в 1958 году). Получать в школе хорошие отметки, чтобы поступить в хороший колледж, чтобы получить хорошую, то есть хорошо оплачиваемую работу, чтобы подыскать невесту из хорошей семьи, чтобы нарожать хороших детей, чтобы завоевать хорошее положение в обществе, чтобы хорошо умереть и быть хорошо похороненным. Всё.

Не подумайте, что мои родители — недалекие люди. У отца за плечами три десятка лет журналистской работы, у мамы столько же — учительницей. Однотипную погоню за карьерой программирует для ребенка из благополучной семьи (а я как раз из такой) сам уклад жизни в буржуазном обществе. У Маяковского я прочитал:

Люди — лодки.

Хотя и на суше.

Проживешь

свое

пока,

много всяких

грязных ракушек

налипает

нам

на бока.

Я

себя

под Лениным чищу,

чтобы плыть

в революцию дальше.

Облизнуть грязными ракушками благополучного существования — этого я боялся.

В детстве я вбил себе в голову (или мне вбили незаметно?), что стану священником. Наша семья очень религиозна, как и подавляющее большинство филиппинцев. 86 процентов населения — католики, след трехсотлетнего испанского владычества. Каждый вечер без четверти шесть наша семья в полном составе — папа, мама, два моих брата, три сестры и я, ведомый за руку любимой тетей, сестрой отца, — отправлялась в церковь, чинно раскладываясь с такими же семействами,шедшими на молебен. Когда я подрос, меня отдали в семинарию. Но моего терпения хватило всего на год. Зубрить закон божий и псалмы — это было не для меня. Я перешел в обычную школу — и тут, быть может, контраст с семинарией парадоксально разжег страсть к настоящим наукам — прямо впился в математику и физику, в биологию и английскую литературу. Стал писать стихи, редактировать школьную газету и журнал. (Спасибо отцу и маме — эти пристрастия от них, в нашем доме любое творчество всегда было в почете.)

Тут театральный кружок подвернулся. Я и писал, и сам играл. С этого увлечения, кстати, и началось в некотором смысле мое политическое образование. Мы не просто развлекались. Мы стремились, как среди нас было при-



Карлос ДЕЛИНЬО,  
Антонио ПАРАГУА,  
представители Ассоциации  
содействия прогрессу  
филиппинской молодежи [СИКАП]

нято говорить, вырвать искусство из рук элиты и принести его в народ. Мы хотели языком театра сказать простым людям о серьезных вещах, о социальных ценностях, о жизни. Мне чудилось, что в наших зажигательных, зовущих к борьбе представлениях было что-то от Пролеткульта времен Маяковского, которым я тогда зачитывался, от первого поколения комсомольцев.

Два года длился мой роман с этим театральным кружком, пока я вдруг не обнаружил, что кружок-то все больше становится чисто политическим и верховодит в нем организация, называющая себя «Филиппинской коммунистической партией идей Мао Цзэдуна». Впрочем, точнее будет сказать: не я обнаружил, а мне открыл глаза один человек. Однажды старшая сестра свела меня с соседом. У него была хорошая библиотека, а мне понадобились кое-какие работы Маркса и Энгельса — я готовил доклад о капитализме для театрально-политического



# СРАВНИВАЕМ, ДУМАЕМ, БОРЕМСЯ

кружка. Слово за слово, разговорились. Узнав, что меня сватают в «партию идей Мао», сосед сказал, что я стучусь не в ту дверь. Это совсем не та партия, в которую мне с моими представлениями об обществе справедливости следует вступить.

С того разговора для меня начался мучительный процесс переосмысливания, переучивания. Трудно порываться с людьми, которым ты привык верить, трудно отказываться от слов, которые ты сам же за ними не раз повторял. Я, однако, прошел через этот болезненный процесс, переломил себя. Что ж, зато у меня теперь иммунитет против этой болезни. А эта поездка по вашей стране, куда нас пригласил комсомол, дала мне новые аргументы для споров с теми, кто еще, подобно моим бывшим друзьям из «партии идей Мао», утверждает, будто Советский Союз встал на путь ревизионизма и капиталистических ме-

тодов хозяйствования и проводит «реакционную линию» во внешней политике. Теперь, когда я своими глазами увидел, как вы живете, чего добились, к чему стремитесь, какое место в обществе занимают молодежь и ее организации, мне будет легче спорить и с собственным отцом.

В семье с самого начала отнеслись, мягко говоря, неодобрительно к моей внешкольной деятельности. Причем отца и маму волновало в первую очередь не политическое содержание моих общественных занятий, а сам факт, что я расходую на них драгоценное время. Ибо, как я уже сказал, программа моей жизни была предопределена и первым пунктом в ней были хорошие школьные отметки. Без них зашаталась бы вся программа.

Мне претил этот потребительский подход к учебе. Я любил и люблю учиться, меня не надо было подгонять. Но я учился не ради отметок, не ради диплома, а ради самих знаний. Кому

нужна зубрежка, бездумное повторение за учителем, показная прилежность? У меня стали портиться отношения с некоторыми преподавателями. Отец реагировал на эти конфликты «на почве зазнайства» очень болезненно. Впрочем, оценки я приносил отличные. А что до зазнайства... Действительно, все стали замечать, что я «вожусь» только с отдельными преподавателями или старшеклассниками. Но в этом «комплексе превосходства» не было презрения к одноклассникам. Просто я рассудил — с холодным рационализмом, к которому меня приучали само общество, сам же отец, — что времяпрепровождение в кругу людей, которые не могут обогатить мой интеллект, бесполезно и расточительно.

Терпение отца лопнуло, когда ему на глаза попались материалы моей внешкольной деятельности. В них была сплошная политика. Она могла перечеркнуть мое блестящее будущее. У-у, это был скандал! Надо знать моего отца.

Он начинал в те годы, когда наша пресса была полностью во власти американской пропаганды «холодной войны». Он был в числе немногих азиатских журналистов, которых американцы катали по всему свету, показывая свои военные базы — Гавайи, Окинава, Тайвань... И он уверовал, что эти плацдармы, как и базы на территории самих Филиппин, жизненно необходимы, чтобы отразить «русскую угрозу». Наша семья копировала американский стиль жизни. Мы учились в привилегированных, элитарных школах. Впитывали мораль того мира, который учит, что человек должен без стеснения работать локтями, если хочет себе «светлого обеспеченного будущего». Грязные ракушки...

Очень не скоро в нашем доме установилось «мирное сосуществование». Я же люблю отца, и он меня любит. Скандалы только делали больно нам обоим. И мы научились спорить спокойно. Против моей поездки он не возражал. Напротив, был рад за меня. Думаю, ему интересно будет меня послушать.

Что лично мне хотелось понять в практике советских учреждений и организаций и, естественно, комсомола? Насколько в СССР поощряется разносторонность увлечений человека, какие возможности предоставлены ему для раскрытия всех его способностей. Я глубоко убежден, что жизнь человека обедняется, обесцвечивается, если он занят исключительно своей работой и ничем больше. А общество, в котором живу я, толкает человека именно к такому существованию: только работа, все остальное — роскошь, если у тебя не густо в кармане. Моя самая трудная личная проблема как раз в том и состоит, как сочетать с работой дела, к ней прямо не относящиеся, но без которых я себя не мыслю. Я инженер-химик, функционер молодежной орга-

низации, внештатный корреспондент солидного журнала. Да еще стихи, на них почти не остается времени.

Добро бы основная работа поглощала целиком. Но на Филиппинах инженеру-химику развернуться негде. Большинство предприятий принадлежит иностранным фирмам, которые зорко следят, чтобы местные инженеры не допускали никакого «своеволия», а только следовали инструкциям. А что такое инженер, которому не позволяет думать, творить, принимать собственные решения?.. Но и то я должен считать себя счастливчиком: во-первых, имею работу, во-вторых, по специальности. Большинство же моих сверстников пока без работы. Пройдет еще немного времени, и, боюсь, они ухватятся за любую работу, хотя бы она не соответствовала ни профилю, ни уровню их образования. Дела у нас в стране, как говорится, из рук вон... Закрываются фабрики, лопаются компании, все больше людей оказывается за воротами. Только иностранные фирмы не горюют. Чем хуже нам, тем лучше им. А особенно тяжело приходится крестьянству. Но об этом, наверное, лучше расскажет Антонио.

#### Антонио о себе и о других

Посудите сами. Даже официально установленный минимальный заработок рабочих в сельской местности вдвое ниже, чем у городских рабочих. Любое проявление недовольства плантаторы подавляют собственными силами. Я не оговорился. Они содержат собственные наемные армии, которые оснащены современным оружием, включая вертолеты и бронетранспортеры. Не так давно они бросили эти «частные войска» на подавление забастовок и волнений на плантациях северного и центрального Лусона, Негроса и Минданао. Наёмники разгоняли пикеты, похищали и убивали после жестоких пыток организаторов выступлений.

Мне повадки гасиендеро (так мы зовем помещиков — от слова «гасиенда», то есть «поместье») знакомы с детства. Бывало, приезжает хозяин в гасиенду. В честь этого вся деревня перед ним выстраивается. Гасиендеро постоянно жил в городе, а уж когда наезжал, то положено было встречать его фиестой, праздником. И вот прохаживается он перед крестьянами, смотрит. А за его спиной верзилы с дубинками и обрезами. «Где Хуан? — вдруг крикнет гасиендеро. — Куда спрятался? Управляющий доложил, что он собрал урожай с моего поля без разрешения. Где Хуан?!»

Беда Хуану. Голодать ему и его семье до следующего урожая. Не прощаст ему озлобившийся помещик риса. Даже за тройную цену. В нашей деревне сеяли сизаль. Из него канаты крепкие вьют, а кашу не сваришь. Рис же помещик продавал, сам и цену назначал, и деньги давал в рост. По закону об аренде ему полагалась четверть урожая, арендатору — три четверти. Но такого не бывало ни в нашей деревне,

ни в соседних, которые тоже принадлежали ему. Гасиендеро грабастал половину, не меньше.

Походит-походит еще... «Эй, Педро,— это к моему отцу,— ты, говорят, в какую-то ассоциацию записался? Вот пусть она тебя и кормит». И захохотел довольный.

Значит, отцу, а он в доме сам девятый, неизвестно чем кормить нас целий сезон. Значит, мне опять проститься со школой неизвестно на сколько лет.

Ближайшая школа была за шесть километров от нашей деревни. Ничего, топал туда и обратно. Лишь бы учиться. Но после четвертого класса пришлось учебу бросить и идти вместе с отцом на плантацию. Через два года отец решил: твой брат подрос, он тебя подменит, учись-ка дальше.

Трех классов мне не хватало до диплома средней школы, когда опять нужда заставила спрятать подальше учебники и взяться за мотыгу. На этот раз вышло не на два года, а на все тринадцать. Мне уже доводилось здесь рассказывать о своем детстве, и мне говорили: «Все это знакомо по книгам и кинофильмам о дореволюционной России». Я это знал. В те трудные тринадцать лет, что я батрачил на помещика, нашлись люди, которые рассказали мне о вашей стране, о вашей революции. Я тогда организовал нечто вроде ваших комбедов. Ясно, что задачи у нас были поскромнее. Мы объясняли крестьянам и батракам хотя бы те немногие их права, о которых они представления не имели. Организовывали поддержку семьям, попавшим в беду. В общем, это была профсоюзная работа в условиях феодализма. Работа трудная и рискованная.

Для меня эти годы и были школой. Когда так говорят, то имеют в виду становление характера и познание жизни. Это верно. Но в моем случае еще и школа в буквальном смысле. Мне не хватало настоящих знаний, я чувствовал это и потихоньку начал перелистывать забытые учебники. Сознание, что я могу так и остаться недоучкой, грызло меня неотступно. И я засел за книги как следует. Что касается курса истории, то тут я ушел далеко за школьные рамки. Обложился книгами и статьями по рабочему, крестьянскому, национально-освободительному движению.

Мое усердие подогревалось еще одним важным обстоятельством. Я побывал на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов. Впервые увидел я социализм в действии, впечатляющие успехи кубинского народа, которых он добился, встав на путь социализма. Сравнение с моей страной напрашивалось само собой. И Филиппины, и Куба более трехсот лет были колониями Испании, обе страны попали затем на полвека под господство США. Но Куба освободилась, а Филиппины... И вот он, результат. Этот результат вызвал к размышлению, к чтению и анализу.

В 1976 году возникла наша молодежная организация, ее отделение появилось и в моей провинции. Я включился в ее работу. Сейчас в нашей организации больше 16 тысяч членов, она действует в двадцати провинциях. Крестьяне не просто сочувствовали, но, как могли, старались облегчить мне работу. Меня часто подменяли в поле, чтобы я больше времени уделял организации. Лучшего, чем этот, примера роста классового сознания у наших крестьян, думаю, искать не надо. Вы утите, ведь речь идет о людях, которым со своими бы заботами управиться, не то что работать за спасибо на чужом поле. Я про себя называл такую бескорыстную взаимовыручку коммунистическим субботником. Идея-то та же: безвозмездный труд на общество, который в конце концов оборачивается выгодой для каждого члена общества.

Я упомянул о зверствах помещиков в некоторых районах страны. Но картина была бы неполной, если бы я не добавил, что в иные места они боятся сунуть нос. Знают, что будут иметь дело не с забитыми, запуганными арендаторами и батраками да двумя-тремя активистами, а с массой достаточно политически грамотных людей, способных вместе постоять за себя.

С недавнего времени я живу в Маниле. Сбылась моя тайная мечта. Мне разрешили сдать экстерном экзамены за среднюю школу, выдержан я и вступительные экзамены в колледж. Мне уже под тридцать, а я на студенческой скамье. Мой основной предмет — экономика. Не знаю, хватило бы у меня характера так круто переменить жизнь, если бы не верный друг Моника, моя жена. В нашей семье она ведь сейчас главный «добытчик». Перед тем как пожениться, я честно рассказал, что со мной ее ждет нелегкая жизнь. С тем, кто посвятил себя политике, всякое может случиться... Моника поняла. И приняла как должное, что в нашем доме из ценных вещей будут только книги.

Связей с деревней я не порываю. Использую любую возможность, чтобы навестить родные края. Да и без поездок я в курсе событий. В нашей квартире всегда людно. Здесь решаются многие дела нашей молодежной ассоциации, часто ночуют товарищи из деревни.

И очень хорошо, что мои дети — их двое, старшему шестой — видят этот поток. Пусть слушают, постепенно начнут понимать, что к чему. Комсомол шефствует над пионерией. Вот и я буду для своих детей пионервожатым. Я хочу, чтобы они выросли борцами за переустройство общества на началах братства, равенства и справедливости. Я не обольщаюсь надеждой, что им доведется еще в комсомольском возрасте участвовать в грандиозных стройках, которые, подобно вашему БАМу, будут объявлены всенародными и комсомольскими. Но драться за правду они должны, как мы. Только еще лучше.

Записал С. БОРИСОВ



#### ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА...

**В. ВЛАДИМИРСКИЙ,**  
руководитель творческой  
лаборатории политической  
песни «Гренада»

**В** начале был воробей. Красный воробей, который сидел на стрелках-указателях: воробей с микрофоном, с ножницами, бьет в барабан, пьет прохладительные напитки... Следя указывающему крылу воробья, идем в комнату направо — там политическая дискуссия. В комнате налево — «женское царство». На столах — ножницы, нитки, булавки, раскроенные и уже сметанные платья. Понравилось платье, дошьют прямо сейчас. А может, купите вышитый кошелек или украшения из бисера? Деньги в фонд солидарности.

Наверху, в зале,— репетиции. Под самой крышей — типография, на свежих листках — фотографии тех, кто кроит платья, и тех, кто поет, тексты и ноты песен, которые только что прозвучали со сцены, здесь же стенограмма дискуссии, закончившейся несколько часов назад. На каждом листке, естественно, воробей.

По многочисленным лестницам и переходам спускаемся вниз — и мы перед деревянной, железом окованной дверью с магическими буквами ОКК (воробей, конечно, тут как тут).

Таинственные буквы означают «Окtoberklub-club», а мы стоим перед входом в клуб «Окtoberkluba» — самого популярного в ГДР ансамбля политической песни, названного так в честь нашей Октябрьской революции. А клуб — в подвале Дома молодых талантов, а Дом молодых талантов — в центре Берлина, недалеко от старинной ратуши, знаменитой телевизионной башни, Александрплац. В обычные дни Дом молодых талантов, наверное, напоминал бы Дом культуры — комнаты для



## КРАСНАЯ ПЕСНЯ

занятий оркестра и изостудии, фотокиноклуб и т. д. и т. п. Напоминал бы, если бы были такие обычные дни. Но дело в том, что обычных дней, а тем более вечеров, здесь, кажется, никогда не бывает. И все же нет в работе Дома молодых талантов праздника, к которому готовились бы так тщательно, как к традиционному фестивалю «Красная песня».

История фестиваля восходит к тем далеким и, кажется сейчас, неправдоподобным временам, когда «Окtoberklub» еще не обосновался в Доме молодых талантов. Дома у ансамбля тогда не было, а талантов, энергии хоть отбавляй. Песни, рождавшиеся в «Oktoberklubе», разлетались по всей республике. Деятельность ансамбля сразу же выделила его из сотен подобных молодежных групп, привлекла внимание публики и руководства Союза свободной немецкой молодежи. Этот ансамбль не только действовал — он и побуждал к действию. И вот уже по всей ГДР стали возникать ансамбли, группы, целые театры, «заболевшие» политическим искусством. Это было в 60-е годы, тогда политическая песня во всем мире стала выходом для тех твор-

ческих сил, которые не желали идти по пути массовой культуры. В политпесню устремились самые честные и самые талантливые. Они почувствовали необходимость во встречах, не для того, чтобы доказать — я лучше! — а для того, чтобы вместе решить, как лучше, чтобы избежать лишних ошибок и достичь максимального результата в прямом смысле слова «всем миром». И поэтому день рождения «Окtoberkluba», на празднование которого ежегодно в феврале съезжались друзья по песне, постепенно превратился в фестиваль «Красная песня», пожалуй, самый крупный и представительный в мире.

Если у вас нет опознавательного знака с красным воробьем — эмблемой «Окtoberkluba», на фестивальные мероприятия нечего и мечтать проскочить. Напрасно ежатся на пронизывающем ветру юные безбилетники у Дома молодых талантов, Дворца Республики, театра «Фольксбюнне». И хотя за фестивальную неделю на концертах побывает не менее 50 тысяч берлинцев (а сколько посмотрят выступления по телевизору или прямо у себя на предприятии!), все же ох как многие будут просить «лишний билетик»! В эти дни те 300—400 ребят и девушек, которые в течение года активно работали «на фестиваль», ходят гордые, им вход на все мероприятия обеспечен. Но ведь даже попасть в эту группу не так легко, от желающих вложить свой труд (разумеется, безвозмездно) в дело подготовки к фестивалю отбоя нет. Но и дел очень много! Во-первых, это оформление. В течение года художественная группа добровольных помощников вырабатывает символику, эмблемы, значки. Готовят эскизы афиш — на время весь город должен стать «фестивальным»! Основное, что объединяет оформление всех одиннадцати фестивалей, это революционная направлен-



ность графики. И притом очень яркой, доходчивой и, как бы сказать, интимной. Здесь большую помощь оказывает красный воробей, чувствующий себя весьма непринужденно в любой самой серьезной ситуации.

Во-вторых, сбор средств. Гостей хочется принять как можно лучше, но, главное, нужно, чтобы представители борющихся стран, народных революций получили здесь не только моральную поддержку! Никто не удивляется, что в любом магазине в ГДР на прилавках стоят прозрачные коробки-копилки с надписью «Солидаритет». Эти коробки никогда не бывают пустыми. Сотни школьников усердно шьют, вышивают, строгают, вышивывают — не для себя, а в фонд фестиваля. Корявые безделушки здесь не в почете. Требования самые высокие: вещица должна быть сделана хорошо, со вкусом, качественно, должна быть современной. Поэтому в «пошивочных» Дома молодых талантов шьют самые модные платья и блузки, учатся изготавливать модные украшения и многое другое, что во время фестиваля пойдет нарасхват. Не секрет, что многие модницы Берлина носят одежду «от фестиваля».

Но самое важное — формирование контингента участников. У фестиваля, конечно, есть свое ядро — те коллективы и исполнители, которые из года в год съезжаются в Берлин уже даже не как гости, им и особого приглашения не нужно. Определять и выявлять таких не нужно, сами выявятся и определятся и, несмотря ни на какие трудности, прибудут в феврале. А как пополнить контингент? Как не пропустить действительно талантливых? И вот полпреды Берлинского фестиваля едут в Болгарию на фестиваль политпесни «Ален Мак», в Чехословакию, в ФРГ и Финляндию, к нам в Сочи. Едут отбирать, знакомиться. Именно знакомиться: здесь принцип «по знакомству» вполне оправдан. Благодаря ему удается уяснить, насколько осмысленно, подкреплено убежденностью то, что было произнесено со сцены.

Конечно, такая деятельность добровольным помощникам фестиваля не поручается, здесь и сами члены «Окто-

берклуба» с их большим опытом не застрахованы от ошибок, но вот переписка с будущими гостями фестиваля, заблаговременное знакомство берлинцев с теми, кто прибудет на праздник, чем не задача для студентов журфака?

Не успевает отгреметь фестиваль, как в расчете на следующий начинает готовиться еще одна группа добровольных помощников — переводчиков. В Доме молодых талантов проходят занятия по совершенствованию разговорного языка; те, кто уже работал здесь, делятся опытом — какие только ситуации не бывают! Будущие гиды слушают лекции по истории своей страны и города, совершают экскурсии и заново открывают для себя Берлин. В комнате, где они занимаются, частые гости партийные работники, лекторы-международники. Необходимо изучить все нюансы сегодняшнего положения стран — участниц фестиваля; ведь об этом будут споры, и об этом будут песни...

Поезд подъезжает к вокзалу «Остбанихоф», и участник фестиваля попадает в объятия встречающих. Цветы, короткие интервью: ведь уже завтра информация о приехавшем должна попасть в центральную прессу и «ФЦ» — фестивальный ежедневник, типография которого расположена под крышей Дома молодых талантов.

С вокзала, будь то рано утром или поздней ночью, прямо в Дом молодых талантов. Знакомство с программой в первую минуту потрясает: неужели столько можно сделать за неделю? Но тут уж остается уповать на немецкую способность организовать все четко: концерты на предприятиях и в школах, двадцатиминутная программа для каждого коллектива в театре «Фольксбюнне», запись на радио, запись на пластинку, выступление на политкирмесе (от немецкого «кирмес» — «праздник урожая»), выступление на семейном политкирмесе (для тех, у кого малыши, здесь к политпесне приобщают буквально с пеленок!). А как не выступить в детском санатории? А еще дискуссии, а еще... Растерянный участник не представляет, что через пару дней будет с нетерпением ожидать приглашения

только на все эти мероприятия, ибо другой оценки твоего искусства в Берлине нет. Пришелся ты по душе, признали тебя — будут разрывать на части, засыпать приглашениями, будешь лететь с концерта на дискуссию, с дискуссии на концерт, забывая о еде и сне. А нет, не взыщи. Гуляй, смотри, хлопай, вот билеты, вот дискотека. И возвращается незадачливый гость в глубоком раздумье. Ну что ж, впереди еще год. Некоторым за это время удастся найти то, без чего он оказался незагруженным здесь, в Берлине.

То, что фестивалю нужны художники и модельеры, портные и переводчики,



журналисты и вообще неравнодушные люди — это уже ясно. Ну а в центре все-таки песня. Но фестиваль вносит свои коррективы — не только. Рядом с простыми произведениями (куплет-припев) все чаще звучат сложные композиции. Микис Теодоракис вынес на сцену Берлинского фестиваля канту — это было великолепно! В прошлом году другой представитель Эллады, композитор Микруцикос, дирижировал симфонической поэмой на стихи Яниса Рицоса, и снова публика расценила это событие как одно из самых ярких на фестивале. А рок-опера, привезенная в Берлин политрок-группой «Фло де Колонь» из ФРГ, а мюзикл, показанный политрок-театром «Уайлдкэт» из Великобритании... Наконец, нечто вроде политического цирка, скоморошьего представления бригады «Фойерштайн» из ГДР — все эти новые формы обогащают, расширяют границы жанра. Не менее уверенно чувствует себя в рамках фестиваля инструментальная музыка. Когда-то сорокаминутная фантазия на тему песни «Объединенный народ» великколепного американского пианиста Фредерика Ржевски была, как говорится, «первой ласточкой», а сейчас вы услышите здесь и инструментальные пьесы на экзотическом вьетнамском инструменте аш-

тибе, и современное джаз-роковое прочтение итальянской тарантеллы, и соло на электроскрипке знаменитого Карло Силиотто.

Часто в нашем рассказе упоминаются слова «рок-группа», «рок-опера». Действительно, рок снова властно заявил о себе в молодежной моде и, соединенный с высокими жизненными принципами исполнителей, нередко может стать прекрасной формой для выражения требований сегодняшнего дня, в чем убеждает опыт западногерманской группы «Фло де Колонь», создавшей в своей стране мощное антифашистское движение Рок против правых.

Фестивальная неделя подходит к концу... Еще бурлит площадь имени Вернера Зеленбингера перед Дворцом спорта, где с утра до самой поздней ночи идут заключительные парады звезд фестиваля. Еще идут концерты-импровизации в фойе Дворца Республики ( вход свободный!), еще не разыграны последние призы политлотереи (в фонд солидарности), еще не затихлиочные дискуссии о путях развития политической песни в Доме молодых талантов, но предстоящая разлука уже близка, стоит за спиной, не позволяет ничего отложить «на потом». Последняя точка фестиваля: на сцене «Биг Бэнд» — сборная из лучших мастеров лучших ансамблей. И вот уже поет весь зал, и не могут стоять за сценой те, кому не удалось войти в «сборную», и не могут усидеть на местах зрители.

«ГДР-конкрет». Песни «ГДР-конкрет» о сегодняшнем дне, о наших внутренних проблемах: о пережитках буржуазной морали, о бюрократизме, обо всем, что нам мешает, и, конечно, о том, что помогает жить. С этими песнями на международную арену мы не выходим, но кто за пределами нашей страны оценит, к примеру, песню «Регина»? А для нас она очень важна: в ней говорится о тех проблемах и радостях, которыми живет наша молодая женщина. О труде, о бытовых неурядицах, о любви, о семье, о счастье. Но ведь это же очень важно — говорить обо всем в открытую. Если у нас есть проблемы, а у кого их нет, почему надо о них умалчивать? Только зная о них, размышляя, как лучше, мы можем их решить. Или вот, к примеру, группа «Спартакус» поет о молодом архитекторе (кстати, в основу песни лег вполне конкретный случай), который занимался созданием зоны отдыха, борясь с тем, чтобы при строительстве нового микрорайона не рубили деревья. Разве это не важно? Тем более что архитектору удалось убедить своих оппонентов (не без помощи «Спартакуса»). В этом теперь могут убедиться все жители Потсдама, где создана прекрасная зона отдыха. Разве это не политика?

Мы в ССНМ поддерживаем такие группы и такие песни, конечно, когда это не просто зубоскальство по поводу тех или иных неурядиц. Нет, когда поют о том, что нужно и можно изменить, когда есть позитивная программа.

ской песни они могут научиться на ней играть, а если дело идет, и парень активно работает в клубе, ему предоставляют гитару в безраздельное пользование.

Но я отвлекся. Впервые мы выступили на профсоюзном собрании работников транспорта в Потсдаме. С тех пор и пошло. Каждый год к нам приходили новые участники, мы занимались с ними не только музыкой. Некоторых приходилось воспитывать, объяснять им, прививать новые взгляды на действительность, ведь буржуазная мораль еще так сильна. Если уж честно, то кое с кем приходилось и расставаться, и вовсе не потому, что они не были талантливы в музыкальном отношении. Нас не устраивали их взгляды на жизнь. Так что не подумайте, что все шло гладко. Но вот уже несколько лет, как я и мои товарищи по первому «Манифесту» закончили институт, а группа живет.

Мои товарищи пошли учителями в школы и там теперь организуют подобные ансамбли. Это теперь как цепная реакция.

Клубы политической песни не только студенческие или школьные. Есть такие клубы на заводах. Там, конечно, труднее — участники ансамбля работают в разных сменах. Но руководители предприятий идут им навстречу, переводят в одну смену. А если нет, тут и мы, из ССНМ, можем надавить. У нас ведь есть такой закон: предоставлять гражданам, занимающимся политической деятельностью, преимущественные права. А политическая песнь — это не политическая деятельность? Закон есть закон.

Как решаются финансовые вопросы? Из трех тысяч таких клубов, конечно, не более десяти ведущие. Они выступают на телевидении, выпускают пластинки. Они самоокупаются. Остальные выступают бесплатно, но им оказываются финансовая помощь учебные заведения, предприятия, есть для этого специальные фонды. Разве можно жалеть деньги на идеологическое воспитание молодых? ССНМ дает награды — может отправить коллектив в летний студенческий лагерь или даже на гастроли за границу.

Так что работы нам хватает. Только это нужная и веселая работа.



#### ...И ПОСЛЕСЛОВИЕ ОРГАНИЗАТОРА

Ули ЗОЛЬД,  
сотрудник Центрального  
Комитета ССНМ,  
ответственный организатор  
движения политической песни

«Красная песня» — это праздник, но праздник не может длиться вечно. Самое главное в нашем движении политической песни — это будни. И будни наши называются

Клубы политической песни есть везде, чуть ли не в каждом селе и городке, в учебных заведениях, на предприятиях. Я сам пел в группе «Манифест», был тогда студентом. Мы организовали ее в семьдесят третьем году. Девять месяцев только репетировали, местный комитет ССНМ помог нам приобрести инструменты. Кстати, об инструментах, гитару ведь иногда купить нелегко, а многие ребята ее увлекаются, так вот в клубах политиче-



**М**еня часто читатели спрашивают, как делается интервью с Карелом Готтом. Интервью с заслуженным артистом Чехословакии делается так.

Сначала долго звоню по телефону: или занято, или чей-то голос поясняет, в какой стране, в каком городе сейчас находится Карел Готт. Наконец я слышу голос самого Готта, и мы договариваемся о времени встречи.

Пятнадцатого января, 15 часов 10 минут. Звоню. Карел открывает дверь, говорит, чтобы мы (фотокорреспондент и я) ботинки не снимали, но у нас этот ритуал в крови, и мы без него не можем.

15.20. Заслуженный артист сервирует чай, разговариваем, ждем менеджера доктора Зитко из Прагаконцерта. 15.35. Доктор Зитко приехал, мы садимся в «Жигули» и едем в город Градец-Кралове на концерт. Первый раз включаю магнитофон, и интервью начинается.

— Как бы ты отнесся, если бы какой-нибудь певец ссадил тебя с трона «Золотой соловей»?<sup>1</sup>

— «Золотой соловей» — это игра, как игру его и надо воспринимать. Если меня обгонит певец, который поет лучше меня, — все в порядке. Если же певец, который поет хуже, так публика сама поймет. Все, что мне нужно, — быть здоровым. Пока с этим у меня никаких забот нет, а опыт зрелого человека песням идет на пользу. И если когда-нибудь мне придется спуститься по лестнице популярности вниз, то меня будет согревать сознание, что за восемнадцать лет концертной деятельности семнадцать раз я был на первом месте.

— А никогда не приходило тебе в голову перестать участвовать в этой игре и остаться почетным пожизненным «соловьем»?

— Признаюсь, приходило, но я прогонял такую мысль как трусость. Это было значило, что я бегу из игры, а играющие такое не любят. Я буду участвовать в анкете на «Золотого соловья», даже если буду пятым или десятым. Все прекрасно понимают, что занятое место показывает не то, как хорошо певец поет, а как хотела бы, чтоб он

<sup>1</sup> «Золотой соловей» (здесь) — ежегодный опрос читателей журнала «Млади свет», кого они считают самым популярным певцом.— Примеч. пер.



## КАРЕЛ ГОТТ: «ВСЕ В ПОРЯДКЕ»

Ян КРУТА,  
чехословацкий журналист

пел, голосующая публика. К сожалению, для певца не существует такого сантиметра, как в легкой атлетике, который бы объективно показал, кто первый. Но это и хорошо, потому что у болельщиков не сантиметр, а сердце. И если певец проживает не лучший свой день, они ему все равно аплодируют, потому что любят.

— С одной стороны, это приятно, что ты и твои коллеги держатся на вершине уже столько лет, а с другой — удивительно. Почему за последние годы появилось так мало новых талантов?

— Совсем не потому, что мы, которые начинали в начале шестидесятых, были так исключительно талантливы. Но у нас были для дебюта отличные

условия. Популярная музыка переживала свой расцвет, вокруг нее было много энтузиазма, и не только со стороны певцов и культурных институтов, но и со стороны слушателей. С огромным воодушевлением ходили на концерты, каждая песня по телевидению была событием. Но за двадцать с лишним лет это воодушевление выдохлось. Теперь, чтобы подготовить свой телевизионный концерт, я трачу времени в пять раз больше, чем, например, два года назад. Теперь уже недостаточно подняться на ступеньку перед камерой и просто петь. В каждой песне надо придумать что-то и для зрителя, на что можно было бы смотреть.

— От кого ты узнаешь, какое впечатление произвел концерт или передача по телевидению?

— Проще всего с пластинками, сколько их продано — довольно точный показатель. На концерте чувствуешь реакцию людей, и она в каждом городе разная. На телевидении этим занимается целый отдел. Я же всегда руководствуюсь интуицией. Всегда чувствую, когда прямо в цель, а когда мимо. Телевизионные зрители в известной степени консервативны, к новому они привыкают постепенно, а если уж к чему привыкли, то основательно и надолго. Но я вовсе не хочу, чтобы про каждый концерт все говорили «ах, как хорошо». Мне хочется задеть, расшевожить и вызвать на спор, подтолкнуть к размышлению.

— В каком направлении идет развитие выступлений популярных певцов по телевидению: к естественности, простоте, душевности или к постановочности, торжественности?

— Это зависит от индивидуальности певца. Одни идут от сердца, например Гари Белафонте, его последняя телевизионная программа называлась «Пою о том, что вижу вокруг себя», в нее входили и интервью с журналистами, и его прямое обращение к публике. Такая программа типична для этого певца, красивая музыка, приятное пение, естественное раздумье. Чувствовалось, что он верит во все, что говорит и делает. А можно таким образом просто строить себе карьеру. Есть и другой род выступлений певцов по телевидению. Великолепная постановка, оптимистическая песня о любви, сотня красивых танцовщиц, все залито солнечным светом юпитеров. Такие спектакли тоже нужны: люди приходят домой с работы усталые, они имеют право отдохнуть в мире красоты и праздника.

— А имеешь ли ты право показывать людям праздник, когда газеты каждый день приносят известия о мире, в котором все кипит?

— Это люди узнают из других передач, где информация построена профессионально.

— А может быть, твой праздник — уход от действительности?

— Нет. Представь себе, собрались друзья и говорят, проблем у нас сегодня было достаточно, а теперь отдохнем, поем, танцуем. Иногда такое отключение вполне целесообразно.

— Можно подумать, что ты людей только развлекаешь и ничто другое тебя не интересует!

— Постой! Вот здесь ты ошибаешься. Я довольно часто сталкиваюсь с политикой, например, в беседах где-нибудь за границей с таким злорадным журналистом, когда он задает вопрос, как я смотрю на то либо на это. Я потом прекрасно себя чувствую, отбив его точными фактами, датами, цитатами.

**18.20.** По скользкой дороге добились до Градец-Кралове. Ищем зимний стадион. Фотокорреспондент Мишек Заяц высунулся из окна и спрашивает дорогу у прохожих. Отвечают кое-как. Когда же выглянул Карел, тут же набежали поклонники, и мы ехали до самого стадиона в густой толпе.

**18.35.** Начинается репетиция. Готт смотрит, как настраивают аппаратуру, оглядывает пустое хоккейное поле...

**18.50.** Готт говорит, улыбаясь: «Все в порядке. Ни одной ошибочки», и уходит с руководителем оркестра Штайдлом определить порядок песен в концерте.

**19.20.** Готт входит в костюмерную, следом за ним молодая женщина, она ждала в коридоре и хочет получить фотографию с автографом. Доктор Зитко сердито сжимает губы и поднимает глаза к потолку. «Не сердитесь,— извиняющимся тоном говорит Готт,— у меня в самом деле нет времени, я должен переодеться». — «Можете переодеваться при мне, я видела вас на пляже в плавках». Мы смеемся. Но не доктор Зитко. Он берет охотницу за автографом под локоть и бесцеремонно выводит в коридор.

**20.30.** В зале десять тысяч празднично одетых слушателей. Стадион еще дышит вчерашним хоккейным холодом. Концерт идет уже полчаса. Ладислав Штайдл вызывает на сцену Готта. Аплодисменты. Интересно, что чувствует Готт, когда проходит по сцене перед десятитысячной толпой? Он слегка кивает головой Штайдлу, мол, все идет как надо.

**22.50.** После концерта Готт садится за руль, и мы едем в Прагу. Через два часа мы у Готта. Мы пьем чай, и я включаю магнитофон.

— Какой у тебя распорядок дня?

— В день концерта стараюсь не назначать никаких деловых встреч, не носиться по городу, сохранить все силы на вечер. Когда запись в студии, дома долго распеваюсь. Естественно, сейчас все не так, как когда работал на

ЧКД. Самая трудная была утренняя смена, до двенадцати я пел в кафе, в два ночи ложился спать, а в полпятого утра уже вставал на смену. А когда ночные смены, то, отпев свое в кафе, сразу шел на работу.

— И все же вряд ли кто поверит, что ты все делаешь сам, возле тебя нет людей, которые бы тебя обслуживали.

— Я сам заботюсь о музыке, которую хочу петь, сам работаю с авторами текстов, сам придумываю костюмы... А еще репетиции, собрания, обдумывание, беготня, иногда и сверхбеготня...

— И иногда эта сверхбеготня в угоду публике?

— Мне нравится угоджать публике, но часть моего репертуара всегда немного отличается от того, что хотело бы услышать большинство. Поэтому некоторые бывают недовольны, но зато я приобретаю новых слушателей, которым такой взгляд симпатичен. В глубине души я убежден, что мой репертуар всегда не совпадает с ожиданиями публики, и именно этим я ее так долго удерживаю.

— Ты уже пел оперетту, мюзиклы, серьезную музыку, рок-н-ролл, недавно ты выпустил альбом кантри. Не слишком ли большой разброс?

— Представь себе, что на завтрак, обед и ужин ты изо дня в день ешь одно и то же. Это же одуреть можно. Вот и я — все бы пел и пел романтические кантиленные песенки. Что для моего голоса подходит, то я и выбираю. А нахожу такие вещи и у Шуберта, и в канtri, и в оперетте. В каждом жанре можно найти хорошую музыку и хорошо ее интерпретировать.

— Про тебя без конца пишут, какой ты работоспособный. А отдыхать, бездельничать ты умеешь?

— Нет. Мне всегда кажется, что-то упустил, напрасно потерял час...

— Какие люди тебе нравятся?

— Энергичные, которые не притворяются скромными, знают, что они могут, которые ради дела могут не спать, не есть, ни о чем другом не думать. Терпеть не могу сонных, вялых, которые заранее всего боятся, любят только свой покой. Это опасные люди.

Сокращенный перевод с чешского  
Д. ПРОШУНИНОЙ

Софт Ч 5 - 28

Этот веселый воробей — эмблема берлинского клуба политической песни «Октоберклуб» [о делах «Октоберклуба», о движении политической песни ГДР вы прочтете в материале, опубликованном на странице 27]. А без этой веселой, весенней песни не обходится, пожалуй, ни одна встреча молодежи Германской Демократической Республики. Мелодию ее написал композитор Александр Отт, а слова — слова народные. То есть нет у них какого-то одного автора. Их написали все. Вместе. Русский текст Л. Криули.



## СТРАНА МОЛОДЕЖИ

1. Наша молодость свободна,  
Наша радость — радость всех!  
Мужество в делах народных,  
В праздник — юный, звонкий смех!

**Припев:**

Нашим знаком солнце стало  
В золотых своих лучах.  
Небо синью засверкало  
В наших молодых глазах.

2. Новой песней, звонкой песней  
Встретим праздник молодой,  
С нами вместе, с нами вместе  
Веселись, танцуй и пой!

**Припев.**

3. Скучных прочь, долой унылых!  
Там, где юность,— солнца свет.  
Нет, планета не остыла —  
Здравствуй, радости расцвет!

**Припев.**

1. Freie Jugend, neues Leben,  
freudetrunknen ohne Wein!  
Neuer Mut blüht auf zum Leben,  
frohe Menschen woll'n wir sein!

**Припев:**

Unser Zeichen ist die Sonne  
mit dem goldenen Strahlenband.  
Und ein blauer Himmel wölbt sich  
über unserm Jungeland.

2. Auf den Lippen neue Lieder,  
in den Augen heller Glanz.  
junge Menschen freu'n sich wieder  
bei Gesang und Priel und Tanz.

**Припев.**

3. Fort mit alltagsgrauen Sorgen,  
wo wir sind, ist Sonnenschein.  
Wie ein strahlend heller Morgen  
soll für ins die Zukunft sein.

**Припев.**